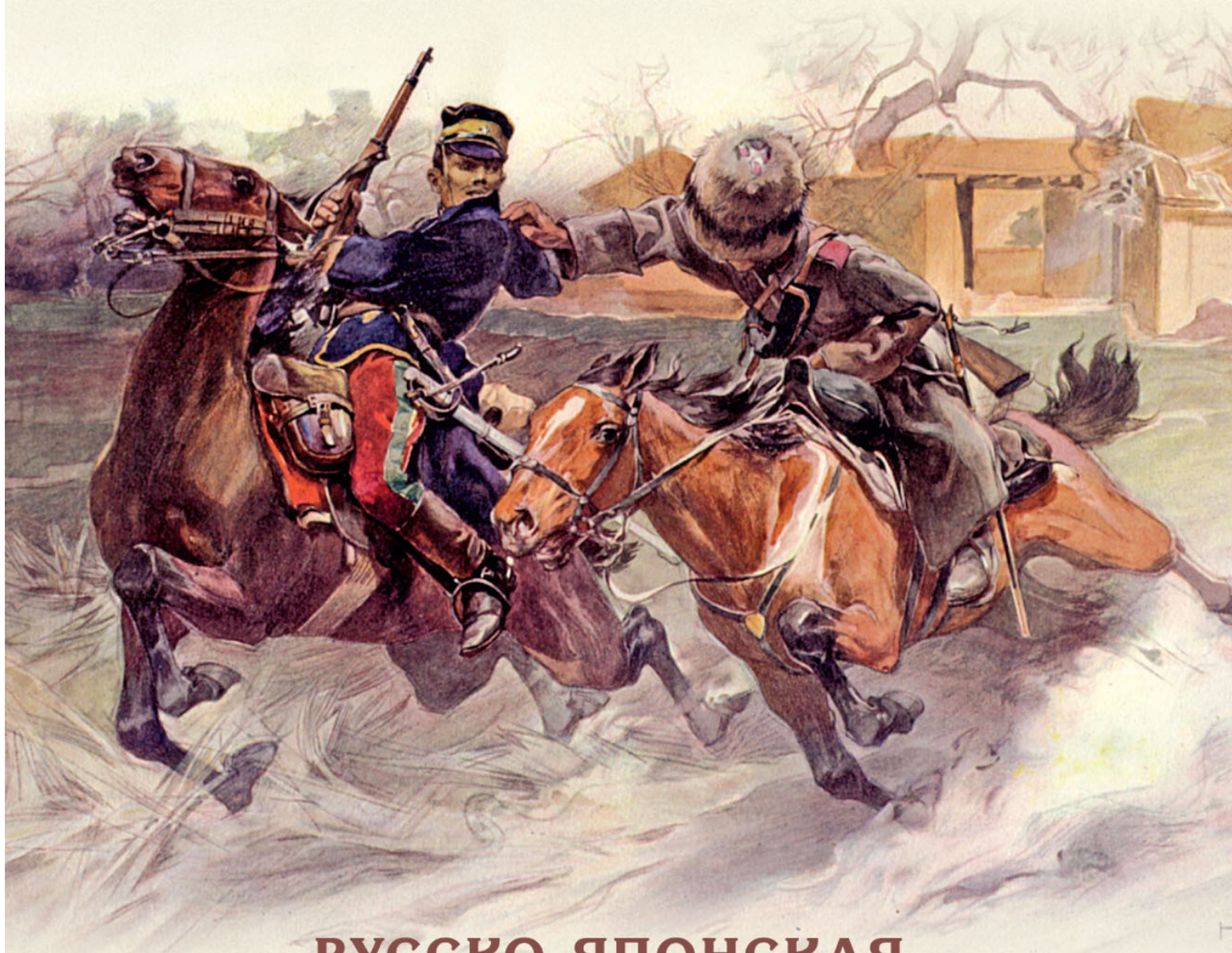

АЛЕКСЕЙ ОЛЕЙНИКОВ

РУССКАЯ и СОВЕТСКАЯ КАВАЛЕРИЯ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ,
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ, ГРАЖДАНСКАЯ

Лучшие воины в истории

Алексей Олейников

**Русская и советская кавалерия.
Русско-японская, Первая
Мировая, Гражданская**

«Яуза»

2021

УДК 357.11(470)
ББК 68.519.1

Олейников А. В.

Русская и советская кавалерия. Русско-японская, Первая Мировая, Гражданская / А. В. Олейников — «Яуза», 2021 — (Лучшие воины в истории)

ISBN 978-5-04-117305-0

«ЧЕГО НЕ МОГЛА СДЕЛАТЬ ПЕХОТА, ТО СДЕЛАЕТ КАВАЛЕРИЯ» - эти слова генерала А.Н. Куропаткина, главнокомандующего русской армией в войне с Японией, были сказаны о сражениях 1904-1905 гг. Однако в Первую Мировую и Гражданскую войны боевое применение кавалерии только подтвердило верность его оценки. Уже первые бои 1914 г. показали превосходство русской конницы над кавалерией германцев и австрийцев как в качестве личного состава, так и в боевой подготовке, а на фронтах Гражданской войны красные конники (в первую очередь из легендарных 1-й и 2-й Конных армий) сыграли ключевую роль, серьезно повлияв на ее исход. Кавалерия - элита вооруженных сил - действовала в прорывах, преследовала противника, выполняла разведывательные и охранные функции, совершала рейды, наносила быстрые и сильные удары по врагу. Кавалеристы и казаки одинаково успешно сражались как в конном, так и в пешем строю, применяли все виды оружия и военной техники, активно взаимодействовали с братьями по оружию. **НОВАЯ КНИГА** ведущего историка русской армии первой четверти XX столетия на основе архивных материалов подробно рассматривает организацию, тактику, вооружение и боевое применение кавалерии в Русско-японской, Первой Мировой и Гражданской войнах. Особое внимание уделено роли кавалерии в сражениях 1914-1916 гг., которая до сих пор оставалась за пределами интересов историков Великой войны. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 357.11(470)
ББК 68.519.1

ISBN 978-5-04-117305-0

© Олейников А. В., 2021

© Яуза, 2021

Содержание

Введение	7
Глава 1	10
§ 1. Организация русской конницы	10
§ 2. Применение русской конницы	12
2.1. Стратегические рейды конницы в Русско-японскую войну	12
2.2. Отряд генерала Ренненкампа и специфика его действий	39
Глава 2	51
§ 1. Организация и структура	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Олейников
**Русская и советская кавалерия: Русско-
японская, Первая Мировая, Гражданская**

© Олейников А.В., 2021
© ООО «Издательство Яуза», 2021
© ООО «Издательство Эксмо», 2021

Введение

Как известно, кавалерия (конница) (от лат. *caballus* — «конь») — это род оружия (род войск), в котором для боевых действий или передвижения использовалась лошадь. Конница прошла долгую эволюцию. На ее развитие наложило отпечаток совершенствование огнестрельного оружия, развитие стратегии, оперативного искусства и тактики. Но в начале 20-го века она продолжала оставаться одним из главных родов войск.

Конница являлась элитой вооруженных сил.

Как отмечал командир 10-го гусарского Ингерманландского полка полковник В. В. Чеславский, с одной стороны, «пехотная дивизия выставляет 16 000 штыков, то есть в десять раз больше кавалерийской. Будучи сильнее количеством, пехота всегда слабее кавалерии качеством, благодаря тому, что по мобилизации в пехоту вливалось 50 % запасных офицеров и солдат, часто престарелых и забывших строй и вообще военную подготовку. Кавалерия же выходила на войну в том же составе, какой был в мирное время.

До войны солдату в пехоте служить было гораздо легче, чем в кавалерии: пехотинец служил на военной службе три года, знал только свою пехотную службу да винтовку; вставал в 6 часов утра, начинал занятие в 8, имел два часа послеобеденного отдыха и в 5 часов вечера уже был свободен.

Кавалерист служил 4 года; кроме специальной и сложной кавалерийской службы, он должен был быть хорошо обучен пешему строю и стрельбе; у него была на руках не только его лошадь, но и лошади отсутствующих: по болезни, в отпуску или в нарядах сослуживцев, которых он обязан кормить и чистить; а всякий знает, как строго и аккуратно смотрели за лошадьми в коннице: их вовремя поили и кормили три раза в день и два раза чистили, так тщательно, пока, проведя белым носовым платком против шерсти, на нем не будет и следа пыли, тогда только лошадь считалась вычищенной; кроме того, чистка седел, амуниции и металлических предметов требовала много времени и кавалерист ежедневно вставал в 4 часа утра, был занят до семи часов вечера, включая и праздники.

Но во время войны роли менялись: пехотинец совершал походы пешком по грязной или снежной дороге, нагруженный тяжелым выюком, крайне переутомлялся и часто натирал ноги до крови, ночевал зимой в палатках и часто простуживался; за невозможностью подвести вовремя походные кухни часто недоедал.

Кавалеристу было легче: он ехал верхом, свободный от тяжести выюка, и не так уставал, как пехотинец, всегда ночевал в деревне, меньше сидел в окопах и почти никогда не голодал; даже если кухни опоздают, кавалерист, идя впереди, первым заходит в деревни или города, где всегда можно достать пищу для себя и корм для лошади. Кавалерия имела больше денежных средств, делая экономию на фураже, благодаря чему имела возможность приобрести вовремя для солдата то, что опаздывало доставлять интендантство»¹.

Не зря генерал А. Н. Куропаткин писал: «Чего не могла сделать пехота, то делает кавалерия». Между прочим, эти слова были вызваны следующими обстоятельствами, относящимися к событиям Русско-японской войны: «Осенью 1904 года кавалерия была выдвинута вперед для прикрытия русской армии, идущей от Ляояна к Мукдену. Конный корпус ген. Мищенко, у которого тогда я командовал сотней казаков, занял позицию в центре, пересекая Мандаринскую и железн. дорогу. Против нас японцы заняли весьма важный тактический пункт. Куропаткин решил отобрать эту позицию и приказал Мищенко сделать усиленную рекогносцировку и донести, может ли пехотный корпус выбить японцев из указанной позиции. Сделав рекогносцировку, Мищенко донес, что японцы занимают позицию одной дивизией и что корпусу будет не трудно ее занять. Пришел назначенный корпус, обстрелял японцев артиллерией, пытался

наступать, но был японцами отбит и донес, что японцы занимают позицию большими силами и донесение Мищенко неправильно.

Мищенко был вызван в штаб армии, где получил здоровый нагоняй, и вернулся назад очень расстроенный и обиженный. Собрав командиров частей, рассказал, что его обвиняют в ложном донесении, и, чтобы доказать свою правоту, приказал коннице наступать и овладеть позицией. Мы все любили Мищенко и решили его реабилитировать взятием позиции во что бы то ни стало. Одна наша дивизия пошла с фронта, а другая была пущена в обход японского фланга. Японцы не выдержали и отдали нам не только эту позицию, но и вторую, лежащую верстах в трех дальше. После этого и был отдан вышеупомянутый приказ Куропаткина»².

В Первую мировую и Гражданскую войны боевая деятельность конницы еще в большей степени подтвердила верность куропаткинской оценки.

Кавалерия являлась мобильным родом войск. Она решала важнейшие вопросы, требующие повышенной оперативной подвижности: действовала в прорывах, преследовала противника, выполняла разведывательные и охранные функции, совершала рейды и наносила быстрые и сильные удары.

Здесь следует отметить, что бой начала 20-го века, характерной особенностью которого стала могучая техника, оказал огромное влияние на пехотную и артиллерийскую тактику – серьезно скорректировав как формы тактического построения частей и соединений этих родов войск, так и способы их действий в бою. Применительно к кавалерии техника огневого боя не только изменила тактические формы применения конницы, но и затронула вопрос о роли и значении кавалерии в обстановке современной войны – как на ТВД, так и непосредственно на поле боя.

И специалисты, вместо того чтоб разобраться в сущности появляющейся технической новинки, кидались в крайности – начиная сомневаться в возможностях конницы действовать в обстановке современной войны.

Дальнобойность и скорострельность оружия, проявившаяся в ходе Англо-бурской войны, привела к появлению в 1902 г. ряда статей французского генерала Негрие. Опровергая сформировавшиеся взгляды на задачи и значение кавалерии, генерал писал чуть ли не о превращении конницы в едущую пехоту. Результат Русско-японской войны также сыграл немалую роль в начавшейся переоценке значения конницы. Превосходство русской конницы над японской не помешало японцам выиграть войну – и это дало повод противникам конницы говорить об уменьшении значения последней в условиях современных боевых действий и вызвало полемику между представителями военно-научной мысли – как в России, так и в Европе.

Так, Бонналь считал, что в грядущей войне армия, обладающая превосходной кавалерией, будет владеть театром военных действий и господствовать над неприятелем. А Кесслер писал, что от качества кавалерии зависит судьба армии. По мнению Ланглуа, новое оружие так увеличивает значение кавалерии, что государства доводят этот род войск до норм, допускаемых конными ресурсами. Данная тенденция обнаруживается перед Первой мировой войной в Германии.

Наряду с упомянутыми авторами и русские авторитеты тех лет – Брусилов, Залесский, Матковский и др. – рассматривали проблему роли и значения кавалерии.

Резюмируя взгляды специалистов, существовавшие до Первой мировой войны относительно применения конницы на ТВД и поле боя, мы увидим, что специалисты учитывали мощь огневой техники, отмечая значение, которое должно было оказать это явление на правильное использование конницы. Ф. Бернгарди в своем труде «Современная война» отмечал, что считает устаревшим тот взгляд, что главная задача конницы заключается в проведении атак, в то время как ведение боя в пешем строю допустимо лишь в крайнем случае. Этот взгляд, как считал специалист, сковывает многофункциональность конницы.

Естественно, что с усовершенствованием оружия, и в особенности с введением пулемета, конные атаки стали возможны лишь в определенной обстановке. Но конница упорствовала, предпочитая искать решающего успеха с помощью конной атаки – причем даже над нерасстроенной пехотой противника (и у русской конницы это хорошо получалось). Но в любом случае практическое обучение конницы отставало от выводов теоретиков.

И во всех армиях ключевых европейских государств (Франции, Германии, Англии, России) вышеупомянутые взгляды военных авторитетов в жизнь не проводились – и тактическое обучение, и организация конницы строились в духе проведения конных атак. Желание сократить время губительного воздействия огнестрельного оружия, пока пики и шашки к нему несутся – быстрота движения, – вот прием, избранный конницей для состязания с пехотой.

Но, несмотря ни на что, мобильный род войск внес более чем существенную лепту в ход событий Первой мировой войны, а для событий Гражданской войны в России именно действия конницы (надлежащим образом сконцентрированной и управляемой) имели решающее значение.

Конница – многофункциональный род войск. Кавалеристы и казаки одинаково успешно действовали в конном и пешем строю, применяли все виды оружия и военной техники, активно взаимодействовали с собратьями по оружию.

В предлагаемой читателю книге мы не ставим перед собой цель досконально рассмотреть вопросы организации (тем более что этому посвящена замечательная работа В. И. Карпеева) и формы оперативного и тактического применения конницы на различных уровнях. Мы кратко формулируем особенности тактического и оперативного применения кавалерии в годы Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн в России, останавливаясь на наиболее интересных аспектах вклада русской конницы в боевые действия указанных военных конфликтов, при этом выделяя специфику кавалерийской борьбы.

Особое внимание уделяем ударной роли конницы в годы Первой мировой войны (до сей поры является недооцененным аспектом применения именно русской конницы), рассматривая кавалерийские атаки в рамках кампании 1914 г. (при Каушене, у Замостья и Дуба, у Ярославиче, Городка, Бучача, Хмельников, Колюшек, Ардагана), кампании 1915 г. (у Прасныша, Олешиче, Нерадово, Городенки, Баламутовки – Ржавенцев, Шавли, Дубиссе, у Попелян) и кампании 1916 г. (у Юрковца, Волчеца, Рудка-Червице и др.). К слову, ряд архивных материалов (например, описание конной атаки 19-го драгунского архангелогородского полка 18 июля 1915 г. у Грабово) вводится нами в научный оборот впервые.

А затем мы посмотрим на применение конницы в годы Гражданской войны (когда конница переживает ни с чем не сравнимый рост результативности своих действий) и на некоторые интересные аспекты ее применения.

Все в комплексе, мы надеемся, поможет читателю сформировать свое видение того, чем же была отечественная конница в 1-й четверти 20-го века для вооруженных сил и нашей страны в целом.

Глава 1

Конница в русско-японской войне

§ 1. Организация русской конницы

В 1901 г. конница русской армии состояла из 102 полков (12 гвардейских, 54 драгунских и 36 казачьих), из которых 85 входили в 24 дивизии (2 гвардейские, 17 кавалерийских и 5 казачьих) и в 5 отдельных бригад (2 кавалерийские и 3 казачьи). Число действующих эскадронов и сотен в соединениях конницы равнялось 600. Один драгунский и 16 казачьих полков в состав дивизий и бригад не входили³.

В конце 19-го века военное руководство России вернулось к мысли, что для решения конницей более широких задач ее необходимо сводить в более крупные, чем дивизии (усиливавшие армейские корпуса), соединения, и в Варшавском военном округе было начато формирование кавалерийских корпусов. В 1896 г. был образован 1-й кавалерийский корпус, а через год – 2-й. В 1-й корпус вошли 13-я и 14-я кавалерийские дивизии, в состав 2-го корпуса – 15-я кавалерийская и Сводная кавалерийская дивизии (последняя составлена из 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и 3-й отдельной кавалерийской бригады). В 1902 г. 1-й кавалерийский корпус составили 5-я и Сводная кавалерийские дивизии, 2-й кавалерийский корпус – 6-я и 15-я кавалерийские дивизии. Освободившиеся 13-я и 14-я кавалерийские дивизии вошли в 15-й и 5-й армейские корпуса соответственно.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. конница применялась ограниченно. Так, для участия в боевых действиях была сформирована Уральская казачья бригада (4-й и 5-й Уральские казачьи полки), Забайкальская казачья дивизия (2-й Верхнеудинский, Читинский, Нерчинский, Аргунский полки Забайкальского казачьего войска), развернуты казачьи дивизии второй очереди: Оренбургская (9, 10, 11 и 12-й Оренбургские казачьи полки), Сибирская (4, 5, 7 и 8-й Сибирские казачьи полки) и 4-я Донская (19, 24, 25 и 26-й Донские казачьи полки). Вскоре Забайкальская и Уральская казачьи бригады были переформированы в Урало-Забайкальскую сводную казачью дивизию. Два конно-инородческих полка (2-й Дагестанский и Терско-Кубанский конные) составили Кавказскую конную бригаду, а три других казачьих полка (1-й Нерчинский Забайкальского казачьего войска, 6-й и 9-й Сибирские) – Приамурскую сводную казачью бригаду. Из полков, входящих в Терскую казачью бригаду и 1-ю Кавказскую казачью дивизию, и Кубанского казачьего полка, находящегося вне дивизий, была составлена Сводная Кавказская казачья дивизия (1 Кизляро-Гребенской и Сунженско-Владикавказский полки Терского, 1 Уманский и Екатеринодарский полки Кубанского казачьего войска). Для усиления 2-й отдельной кавалерийской бригады в нее был включен 10-й конно-артиллерийский дивизион (11-я и 20-я конные батареи).

В ноябре 1904 г. после образования трех Маньчжурских армий конница между ними распределилась следующим образом: 1-я Маньчжурская армия – Уссурийская конная бригада, Сибирская и Забайкальская казачьи дивизии; 2-я Маньчжурская армия – 4-я Донская казачья дивизия, 2-я бригада Оренбургской казачьей дивизии и 2-я отдельная кавалерийская бригада; 3-я Маньчжурская армия – Урало-Забайкальская сводная и Сводная Кавказская казачьи дивизии и Кавказская конная бригада⁴.

Со второй половины 1904 г. существовала Конная группа, включавшая в себя Урало-Забайкальскую сводную казачью дивизию и Кавказскую конную бригаду. Эта группа дополнялась 2-й отдельной кавалерийской бригадой (декабрь 1904 г.), 4-й Донской (декабрь 1904 г. – февраль 1905 г.) и Сводной Кавказской (март – июль 1905 г.) казачьими дивизиями. В июле

1905 г. Конная группа была преобразована в Сводный кавалерийский корпус – в составе Урало-Забайкальской и Сводной Кавказской казачьих дивизий.

После завершения войны в 1906 г. все второочередные казачьи дивизии, Приамурская казачья и Кавказская конная бригады были расформированы – и вновь собрана в предвоенном составе Уссурийская конная бригада: Приморский драгунский полк, Уссурийский казачий дивизион (Уссурийский казачий полк в мирное время сокращался до дивизиона), 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска и 1-й конно-горный артиллерийский дивизион. Забайкальская казачья бригада была дополнена еще одним полком, и в ее состав вошли 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский и 1-й Аргунский полки Забайкальского казачьего войска и Забайкальский казачий артиллерийский дивизион (1-я и 2-я Забайкальские казачьи батареи). Организационно Уссурийская конная бригада вошла в 1-й Сибирский армейский корпус, а Забайкальская казачья бригада – во 2-й Сибирский армейский корпус. Необходимо отметить, что Забайкальская казачья и Уссурийская конная бригады только на один полк отличались от дивизии. Закаспийская казачья бригада также была близка к дивизии, кроме основного состава из двух полков имея в подчинении прикомандированные Туркменский конный дивизион и две сотни 1-го Астраханского казачьего полка.

В Русско-японской войне повторилась печальная практика Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда вместо самостоятельного применения кавалерийских соединений имело место их раздергивание по отрядам. Война не дала поучительных примеров массового использования конницы. Оргвыводом стало упразднение в октябре 1906 г. 1-го и 2-го кавалерийских корпусов (входившие в них кавалерийские дивизии стали входить в армейские корпуса: 4-я и 6-я – в 6-й, 5-я и 14-я – в 5-й, 7-я и 13-я – в 19-й, а 15-я и Сводная – в 15-й). В январе 1907 г. были расформированы Сводный кавалерийский корпус и входившая в него Сводная Кавказская казачья дивизия. Прекратила существование Терская казачья бригада (1-й Сунженско-Владикавказский полк был направлен во 2-ю Кавказскую казачью дивизию, а 1-й Кизляро-Гребенской полк подчинен наказному атаману Терского казачьего войска). Тогда же была расформирована Сводная кавалерийская дивизия (при этом армейские полки вновь составили 3-ю отдельную кавалерийскую, а гвардейские – Отдельную гвардейскую кавалерийскую бригады).

Наконец, в декабре 1907 г. в регулярной кавалерии полкам были возвращены прежние наименования и номера, бывшие у них до реформы 1882 г. После этого в каждой из пятнадцати номерных кавалерийских дивизий вновь имелись драгунский, уланский и гусарский полки, номера которых совпадали с номером дивизии. В Кавказскую кавалерийскую дивизию по-прежнему входили три драгунских полка (16-й драгунский Тверской, 17-й драгунский Нижегородский, 18-й драгунский Северский). Отдельные кавалерийские бригады стали состоять из: 1-я бригада—19-го драгунского Архангелогородского и 16-го гусарского Иркутского полков, 2-я бригада – 17-го Черниговского и 18-го Нежинского гусарских полков, 3-я бригада – 16-го Новоархангельского и 17-го Новомиргородского уланских полков.

Теперь остановимся на формах применения русской конницы и одновременно охарактеризуем наиболее значимые дела последней в Русско-японскую войну.

§ 2. Применение русской конницы

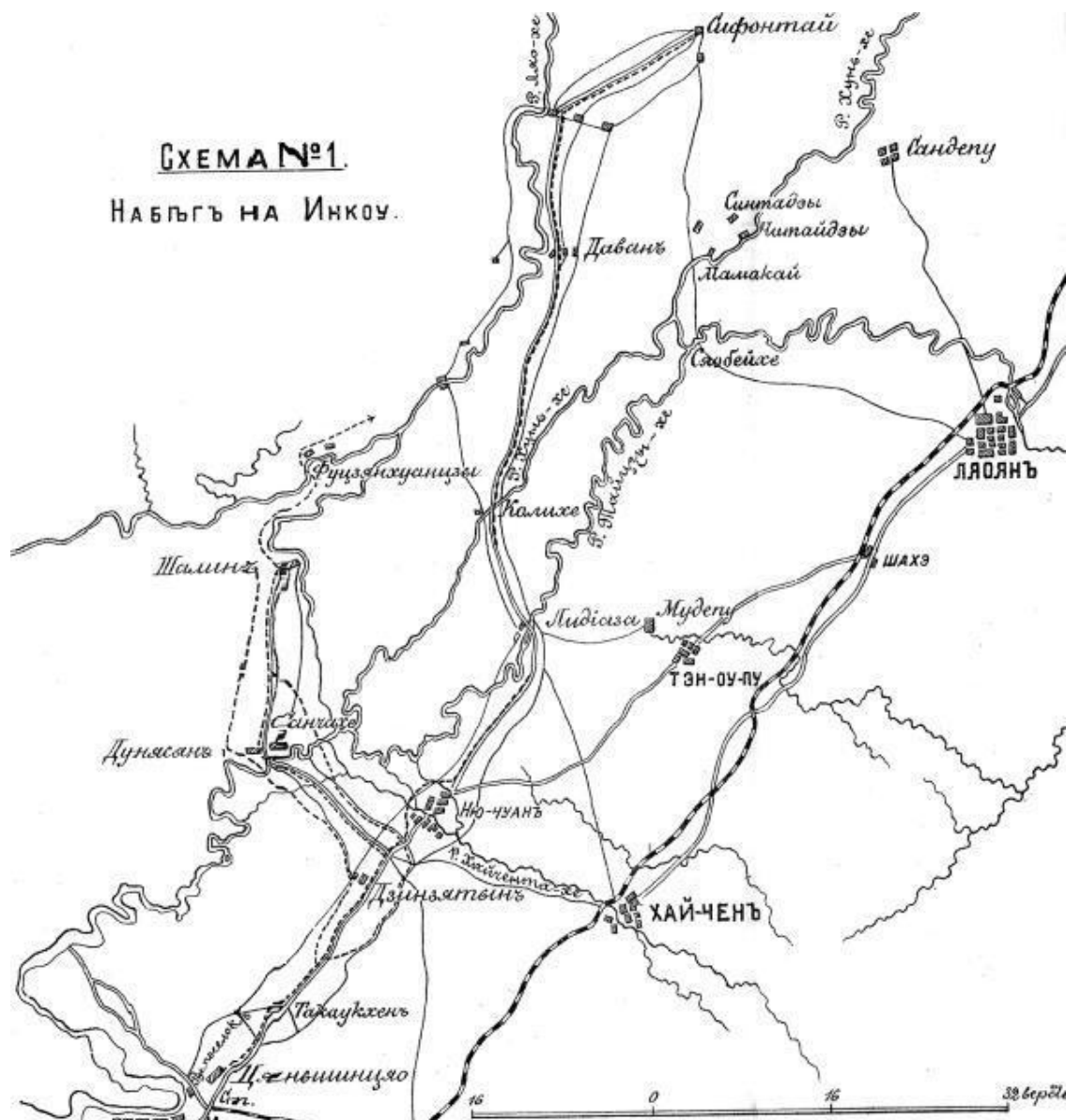
2.1. Стратегические рейды конницы в Русско-японскую войну

В годы Русско-японской войны даже относительно немногочисленной коннице русской действующей армии пришлось в основном бездействовать – благодаря неверному пониманию кавалерийских задач высшим армейским командованием. Во время боев она редко была объединена в одних руках и получала чисто кавалерийские задачи. Вне периодов боев занималась главным образом службой на передовых постах и ближней разведкой.

На левом фланге Маньчжурского ТВД действиям конницы препятствовал гористый и пересеченный характер местности, тогда как на правом, наоборот, условия местности были более благоприятны для широких действий конных масс. Поэтому те немногие чисто кавалерийские задачи, которые получила русская конница, имели целью действия против левого фланга и тыла противника. Таковы два набега (рейда) конных отрядов под командованием генерал-лейтенанта П. И. Мищенко на Инкоу 27 декабря 1904 г. – 2 января 1905 г. и за Факумынь 4—11 мая 1905 г., а также набег летучего отряда полковника Я. Т. Гилленшмидта к Хайченскому мосту 5—10 февраля 1905 г. Кратко их сравним.

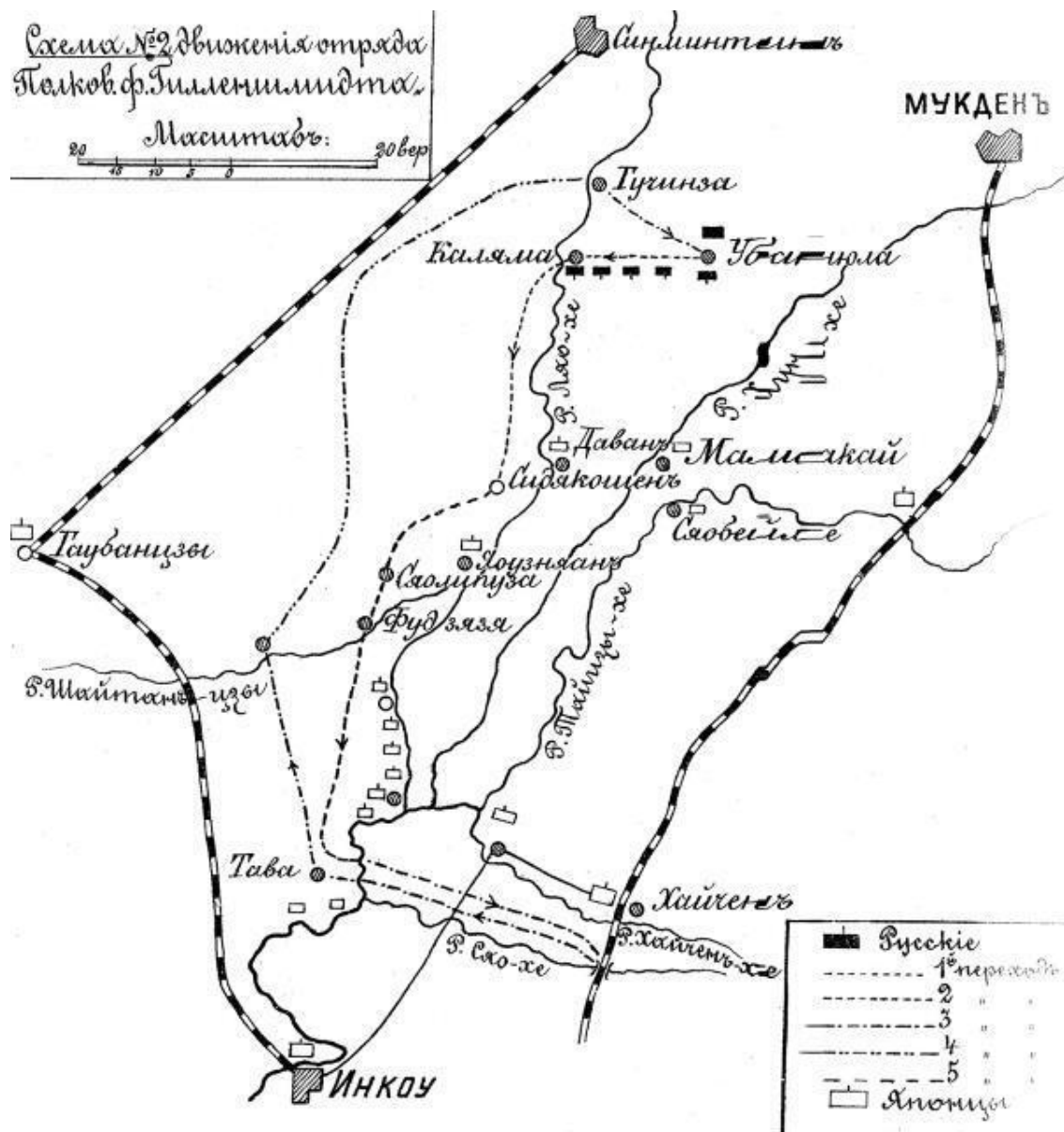
Местность театра военных действий (ТВД) представляла собой богатую запасами открытую равнину, но коммуникационная линия японцев (железная дорога) и тыловые учреждения были прикрыты с левого фланга системой р. Ляохе и ее притоков. Реки эти хотя в то время и замерзли, но, имея крутые берега и будучи укреплены от весенних разливов высокими валами, были не везде проходимы. После Инкоуского набега японцы охраняли все броды на р. Ляохе, и во время Хайченского набега пришлось совершить переход через р. Ляохе в настолько болотистом и труднопроходимом месте, что переправа даже не наблюдалась японцами, «местность представляла здесь из себя сплошное болото, еще плохо промерзшее, пришлось спешиться, лошади скользили, падали и проваливались»⁵.

Во время майского набега условия были более благоприятны, так как больших рек, прикрывающих слева тыл японской армии Ноги, не было. Местность также представляла собой совершенно открытую равнину, переходившую на западе в Монгольскую степь с песчаными барханами, которые способствовали скрытному движению конных масс, а на востоке около г. Факумыня и восточнее первой коммуникационной линии японцев Синминтин – Факумынь местность имела холмистый и пересеченный характер. Пересеченный характер местности не служил препятствием действиям конницы и даже облегчал скрытное движение (прорыв 7 мая 1-го Читинского казачьего полка на Мукден-Факумынскую дорогу).

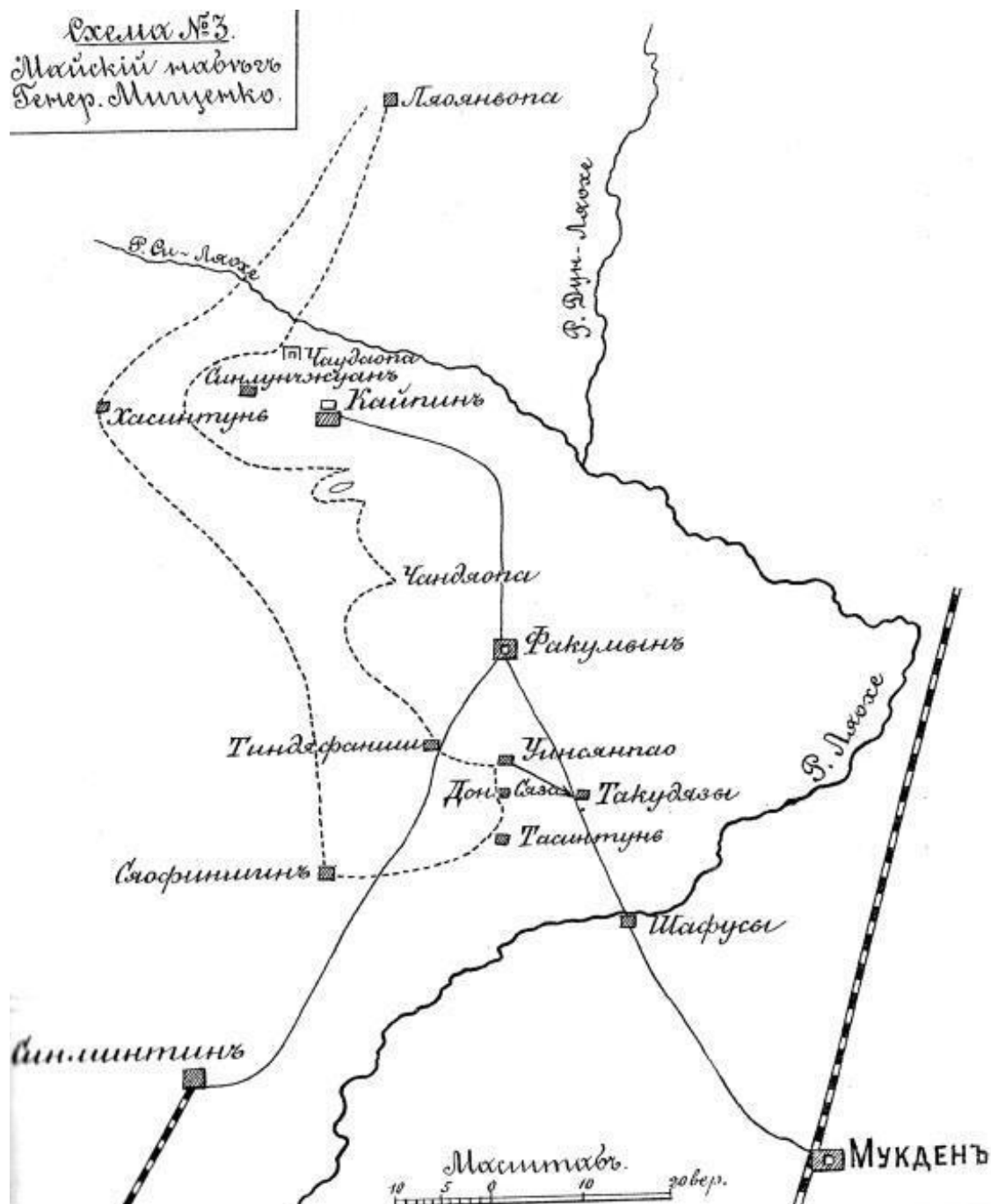
Набег на Инкоу отряда генерала Мищенко.

В Инкоуский набег конный отряд выступил в составе 69 сотен, 4 конно-охотничьих команд, 4 пеших поршневых (с посаженными на местных лошадях расчётами) и 18 конных орудий и 4 выучных пулеметов. Кроме того, в состав отряда входил выучный обоз из 5 транспортов в 1500 выюков. Выучение 5 лошадей одним проводником было крайне затруднительно и отнимало много времени. Состав проводников был набран из нестроевых пехотного запаса и представлял из себя недисциплинированную толпу (объяснять присоединение к отряду подобного транспорта возможностью продовольственных затруднений во время набёга нельзя, так как задолго до набёга информация генерала Телешева и пограничников Ляохейского отряда подтверждала факт, что долины Ляохе и Хунхе изобиловали фуражом).

Рейд полковника Гилленшмидта в годы Русско-японской войны.

Кроме Урало-Забайкальской казачьей дивизии и Кавказской конной бригады, уже входивших в состав отряда генерала Мищенко, 3 полка Донской казачьей дивизии, 3 драгунских полка и конно-охотники прибыли накануне выступления в набег, причем драгуны (2-я отдельная кавалерийская бригада и 4 эскадрона Приморского полка) образовали Сводную дивизию под начальством совершенно незнакомого им генерала А. В. Самсонова. Наконец, на время боя под Инкоу Сборный отряд в 19 сотен (16 отдельных частей и подразделений) был объединен под командованием полковника И. З. Хоранова, выслужившегося из осетинских милиционеров при генерале М. Д. Скобелеве, – человека храброго, но без общего и военного образования, вся военная карьера которого заключалась в ординарской службе и по линии военно-народного управления.

Майский набег отряда генерала Мищенко.

В майском набеге отряд Мищенко состоял из 45 сотен, 6 орудий и 2 выучных пулеметов. Причем кроме частей Урало-Забайкальско-й дивизии и 2 сотен Кавказской конной бригады в состав отряда накануне выступления вошла Сводная Кавказская казачья дивизия, в начале апреля прибывшая с Кавказа. Генерал Мищенко не был знаком с дивизией и ее командованием. Дивизия пришла с очень слабой подготовкой мирного времени; в составе дивизии было 2 полка (1-й Екатеринодарский Кубанского и 1-й Кизляро-Гребенской Терского казачьих войск), не входившие в мирное время в состав дивизии. Соединение не имело боевого опыта.

Конный отряд полковника Гилленшмидта был также сформирован лишь для набегу – из 4 сотен (2 сотни 1-го Верхнеудинского Забайкальского казачьего полка, 1 сотня Терско-Кубанского и 1 сотня 2-го Дагестанского полков) хоть и разных полков, но объединенных совместной боевой службой в течение нескольких месяцев в составе конного отряда; забайкальские сотни

были одного полка, кавказские – одной бригады. Полковник Гилленшмидт был как бы своим для дагестанцев, верхнеудинцы много слышали про него да, случалось, и действовали вместе. Станным было то, что на сформирование сборного летучего отряда были назначены 2 сотни верхнеудинского полка, так как из всего конного отряда забайкальские лошади, хоть и крепкой породы, были наименее пригодны для быстрых переходов (к тому же надорваны тяжелой службой с первого дня кампании – начиная с похода в Корею; правда, в забайкальские сотни 5—6-рядного состава было добавлено по 2–3 ряда от других сотен полка – на хороших лошадях).

Генерал Мищенко выступил в набег на Инкоу в ореоле легендарной славы, окружавшей его имя. Человек выдающейся храбрости и обаятельности для подчиненных, редкой решительности, стойкости и упорства, он любил бой и увлекал за собой других. Но, к сожалению, не кавалерист, совершенно не знаком с техникой кавалерийской службы и немного стар для ведения мобильного кавалерийского отряда.

Полковник Гилленшмидт был одним из выдающихся кавалерийских наездников-спортсменов, молодым человеком (во время набега ему было около 35 лет), полным здоровья и подвижности, командовавшим перед войной Гвардейской конной батареей, весьма спокойным, уравновешенным и невозмутимым.

Задача, поставленная конному отряду во время Инкоуского набега, заключалась в «уничтожении обозов и запасов японцев; особенному вниманию рекомендовался оклад у станции Инкоу, где, по сведениям лазутчиков, было сосредоточено много запасов; разрешалось взрывать железнодорожные мосты»⁶. Согласно приказу Мищенко по конному отряду от 29 декабря, он считал главной целью движения ст. Инкоу, которую приказано разрушить⁷.

Во время майского набега за Факумынь на отряд Мищенко была возложена задача⁸ «перейти в тыл западной группы японских армий и задержать переход их в наступление, истребляя склады и транспорты и портя пути подвоза, в том числе особенно железную дорогу». Синминтинская железная дорога считалась нейтральной, и запрещалось ее разрушение. «Задержка наступления японцев была важна, дабы иметь время усилиться подходящими укомплектованиями, прибывающими в период с 5 по 20 мая»⁹.

Отряд полковника Гилленшмидта получил от генерала П. Г.-К. Ренненкампа (в тот период – начальника кавалерии на правом фланге) приказ, «проникнув в тыл неприятельского расположения, взорвать один из больших железнодорожных мостов на линии Ляоян – Хайчен – Дашичао»¹⁰.

Задача, возложенная главнокомандующим во время Инкоуского набега на Мищенко, была по плечу Конному корпусу из более чем 70 эскадронов и сотен при 22 орудиях – в смысле уничтожения обозов и запасов японцев, но «рекомендование особенному вниманию» склада у станции Инкоу было ошибочно, так как привязывало отряд к определенному пункту. Кроме того, в то время Инкоуская гавань замерзла и перестала служить промежуточной базой для японской армии, оперировавшей в Маньчжурии, тем более что после падения Порт-Артура имелся прекрасно оборудованный порт Дальний. Гораздо целесообразнее была идея задерживать наступление японцев на всем Маньчжурском ТВД до подвоза русских подкреплений – воспрепятствовав переброске из-под Порт-Артура дивизий и осадной артиллерии армии Ноги. Именно конный корпус мог эффективно воздействовать на единственную в то время коммуникационную линию левого фланга японских армий – железную дорогу. В его распоряжении были и конные массы, и подрывные партии, и огневые средства.

Наконец, весьма странно, что, собираясь в течение нескольких месяцев направить кавалерию в набег на японский тыл, главнокомандующий генерал Куропаткин решается на это как раз в наименее благоприятное время – когда после падения Порт-Артура началась усиленная железнодорожная перевозка армии Ноги, которая была готова усилить в любом пункте тыла этапные войска.

Наоборот, для воздействия на саму железную дорогу (партиями, которые, скрытно приближаясь к железной дороге, могли работать на повреждение полотна) обстановка была благоприятна – именно вследствие усиленного железнодорожного движения в связи с переброской армии Ноги.

Во время майского набега приказ командующего 2-й армией задержать переход в наступление японских армий в связи с указанием на важность этой задержки до усиления нашей армии подкреплениями, прибывающими 5—20 мая, ставил задачей отряду действия в тылу японских армий в течение 3-недельного периода. Для этого конный отряд был и слишком слаб, и слишком силен. Слишком слаб для того, чтобы, пробившись через завесу, которую японцы могли выставить для прикрытия своей коммуникационной линии, держаться в тылу японских армий в течение длительного срока (японцы могли, пользуясь затишьем на фронте, выставить крупные силы для прикрытия своих флангов и тыла); слишком силен – чтобы незаметно проскакивать через наименее наблюдаемые участки этой завесы.

Характерна телеграмма штаба 2-й армии «считать Синминтинскую железную дорогу нейтральной и не трогать ее», хотя штабу не могло быть неизвестно, что дорога находилась в руках японцев и служила начальным участком коммуникационной линии армии Ноги.

Полковнику Гилленшмидту задачу ставил кавалерийский генерал, известный своими кавалерийскими рейдами еще в китайскую войну. Задача была поставлена ясно и определенно – требовалось уничтожение большого железнодорожного моста. Вместе с тем выбор ближайшей цели – выбор моста – предоставлялся инициативе начальника отряда на большом протяжении железнодорожной линии от Ляояна до Дашичао.

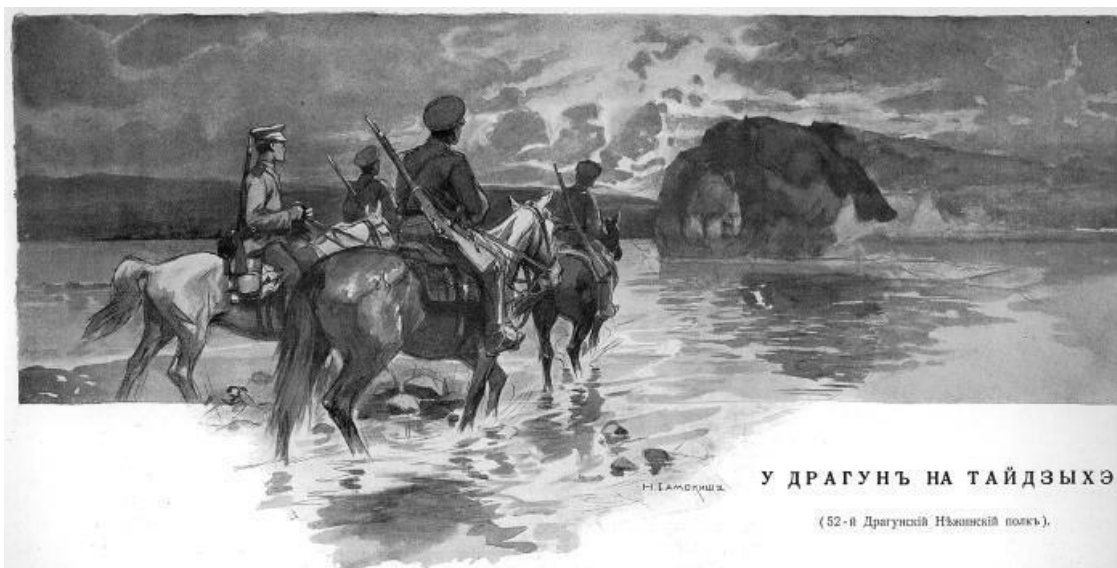
Предвзятая идея о необходимости овладеть усиленно рекомендованной ему станцией Инкоу побудила Мищенко направить отряд на Инкоу. Направление было выбрано кратчайшее – на Калихе – Лидиаза – Ньючжуань, но в данном случае это кратчайшее направление не было таковым, так как проходило вблизи застав, прикрывающих японский тыл с левого фланга и у Уцзятуй – Лидиаза выводило на одну из таких застав и, вызывая необходимость столкновения и задержки движения, фактически являлось более долгим. Движение по правому берегу р. Ляохе на Фудзяза (Фудзячжуанцзы) и Тава (Табятунь), будучи длиннее по числу километров, проходило вдали от японских отрядов и потому было короче по времени. Путь этот силой обстоятельств и был избран при возвращении отряда обратно.

На повреждение железной дороги не было обращено достаточно внимания. После второго дня похода, 28 декабря вечером, были высланы 3 партии силой по 2 сотни 15-рядного состава для взрыва железнодорожных мостов – к мостам у Хайчена и к Дашичао. Партии были составлены из сборных подразделений, в каждую были назначены саперные офицеры. Уже в день атаки Инкоу, почти непосредственно перед выступлением с большого привала штурмующего отряда, был выслан разъезд от колонны полковника Шувалова – для порчи железнодорожного полотна на Инкоуской ветке. Следовало обратить больше внимания на повреждение железной дороги, хотя бы с целью воспрепятствовать подвозу японских подкреплений к Инкоу – цели операции.

В майском набеге определенное направление для движения и действий конного отряда отсутствовало. В первый день движение было направлено на точку в 6 км к западу от г. Кайпина, что, имея в виду присутствие в Кайпине и окрестностях 7-й японской дивизии, выводило отряд в район левого фланга неприятельского расположения. На следующий день движение отряда было направлено в ближний тыл 7-й дивизии; встреченные затруднения в виде отрядов японской пехоты и хунхузов и крайне пересеченной местности заставляли три раза менять направление, каждый раз все южнее, и все три раза неудачно. Неправильный выбор направления заставил потерять еще и третий день марша – вследствие необходимости обхода г. Факумынь, занятого пехотой с артиллерией. Только на четвертый день направление движения на середину этапной линии Шифусы – Факумынь было совершенно верным.

Движение конного отряда на Синминтин было бы несомненно более целесообразно. Хотя разрушение Синминтинской железной дороги и было запрещено дополнительной телеграммой штаба 2-й армии, занятие конным отрядом станции Синминтин фактически прерывало движение по железной дороге, а разрушение больших японских складов у станции Синминтин (промежуточная база) надолго прекращало подвоз к армии Ноги – и этим лишало ее возможности принять участие в общем наступлении.

Как при движении на линию Синминтин – Факумынь, так и прямо к Синминтину было необходимо масштабное производство демонстраций, хотя бы путем выдвижения бригады на линию Кайпин – Факумынь.

У драгун на Тайдзыхе.

Выбор направления движения в Хайченском набеге по правому берегу р. Ляохе на Фуд-зыа и Тава нельзя не признать совершенно правильным. Выбор перехода через р. Ляохе, тщательно охраняемую японцами, в наиболее труднопроходимом и болотистом месте ночью, вполне соответствовал обстановке. Решение взорвать железнодорожный мост в 5,5 км южнее Хайчена было вызвано «его конструктивными данными и количеством имеющегося пироксилина» и сравнительной удаленностью от Хайчена, где можно было ожидать присутствия довольно сильного гарнизона. Путь от переправы через р. Ляохе к мосту был выбран по пустынной местности между реками Хайченхе и Сяохе, изрытой валами и канавами, минуя деревни, что было вполне целесообразно. Направление движения отряда при возвращении от Тава сравнительно близко от того пути, по которому шли в набег, было неправильно и привело к нежелательному столкновению с японцами, сопровождавшемуся напрасными потерями.

Наиболее важным условием успешности кавалерийского набеге была скрытность движения.

О желательности рейда конницы на Инкоу начали говорить после Ляоянского отступления¹¹. В начале ноября главнокомандующий предложил начальникам казачьих дивизий составить доклад о набеге в тыл японского расположения. В середине ноября главнокомандующий произвел смотр конному отряду Мищенко и в речи, произнесенной после смотра, сказал, что отряду скоро предстоит рейд. Перед набегом, «когда начальство еще делало вид, что это секрет, несколько корреспондентов просилось в отряд, чтобы участвовать в набеге».

«С половины декабря, – писал В. Козлов из Мукдена 6 января 1905 г., – о набеге говорили уже более определенно. Числа 22-го уже не было сомнения – генерал Мищенко идет на Инкоу.

В день выступления генерала Мищенко в набег пришедший в Мукден с правого фланга китаец говорил французскому миссионеру, что «сегодня вся конница уходит в Инкоу, хотят сжечь все склады».

Само формирование громадного вьючного транспорта и сбор его в Сифонтае для участия в набеге не могли пройти незамеченными со стороны местных китайцев, а значит, стали известны и японцам.

Генерал Оку в приказе по 2-й японской армии еще от 6 (19) ноября 1904 г. § 3 предупреждал, что скоро наступает зимний сезон, удобный для нападения неприятельской кавалерии.

Передвижение частей отряда на сборный пункт в Сифонтай было произведено совершенно открыто: донцы шли вдоль линии передовых постов, поднимая облака пыли; заметив эту пыль, японцы обстреляли ее артиллерией.

Помещение летучей почты.

У драгун на Тайдзыхе.

Наконец, сам выбор направления движения отряда не удовлетворял, как отмечено выше, условиям скрытности, так как путь отряда проходил вблизи японских застав. Бесцельные бои при встрече с этими заставами также способствовали обнаружению движения конного отряда и присутствия в нем артиллерии (даже против хунхузов вызывалась артиллерия).

У драгун на Тайдзыхе.

Майский набег происходил в тех же условиях – полного отсутствия скрытности. Уже после смотра главнокомандующим Кавказской казачьей дивизии у Гунчжулина 25 апреля стало известно о назначении дивизии в состав конного отряда Мищенко – для действий на правом фланге 2-й армии. 29-го утром дивизия выступила из Бакиенчена, крайнего правого

фланга 2-й армии на Гуюши (переправа через р. Дун-Ляохе), оставив весь колесный обоз в Баmienчене, что ясно указывало местному населению на участие дивизии в дальнем набеге. К вечеру 30 апреля дивизия пришла в Ляоянвопу на границе Монголии, только что занятую в тот день Забайкальской казачьей бригадой после боя с хунхузами и спешенными японскими драгунами. В Ляоянвопу отряд собирался почти на глазах японцев в течение нескольких дней, привлекая на себя внимание японцев высылкой разъездов, стычками с хунхузами и японской кавалерией.

Китайские шпiony.

У драгун на Тайдзыхе.

Следовало или идти в набег безостановочно (из Баmienчена), чтобы не давать японцам ни одного лишнего дня для отдачи соответствующих распоряжений, или же, наоборот, остаться в Ляоянвопу в течение 10–14 дней, чтобы в сборе конного корпуса выступом впереди правого фланга русских армий японцы могли видеть лишь удлинение общего фронта против переброшенной за р. Дун-Ляохе 7-й японской дивизии, занимавшей окрестности Кайпина (такова и была роль конного отряда по возвращении из набеге – вплоть до конца кампании). Затем, когда японцы свыклись бы с присутствием конницы впереди их левого фланга и деятельность их тыловых учреждений начала бы нормально функционировать, быстрым налетом наскочить на их коммуникационные линии.

Направление движения конного отряда от Ляоянвопы было выбрано, как отмечено выше, неудачно, так как все время выводило отряд на расположение японских частей, сначала на левый фланг передовой линии, затем в ближний тыл.

У драгун на Тайдзыхе.

Японцы, видимо, ожидали движения конного отряда в обход их левого фланга и действий в тыл. Для них было важно выяснить, куда именно направляется отряд, то есть в ближний или дальний тыл, – и отряд своим движением точно указывал японцам путь и цель действий. По мере движения конного корпуса к югу с целью проникнуть в неприятельский тыл японцы все южнее и южнее выдвигали навстречу небольшие отряды, которые его задерживали. Так, части 49-го резервного пехотного полка, остановившие 7 мая движение отряда на этапную линию армии Ноги Шифусы – Факумынь, заняли позицию в ночь с 7 мая, накануне боя. Прежняя этапная линия японцев от Синминтина на Факумынь была временно закрыта и перенесена по р. Ляохе до Шифусы и дальше по Мукден-Факумынской дороге дней за десять до прихода конного корпуса, что совпадает со временем выступления Кавказской дивизии из Гунчжулина.

У драгун на Тайдзыхе.

О Хайченском набеге заранее никто даже из участников ничего не знал. Накануне выступления, 4 февраля поздно вечером, были вызваны, по словам одного из участников набег подьесаула Елчанинова, к командиру 1-го Верхнеудинского казачьего полка сотенные командиры и от него узнали о назначении от полка экстренно двух сотен «для выполнения весьма трудной задачи». Командиры сотен, которым по жребию предстояло участвовать в операции, тут же получили приказ отправиться в штаб отряда. Только там от начальника отряда генерала Ренненкампа собравшиеся сотенные командиры во главе с полковником Гилленшмидтом узнали о возложенной на них задаче – взорвать один из железнодорожных мостов. На другой день к 13 часам летучий отряд собрался у штаба конного отряда и выступил в набег – но и тут не только никто из остающихся в отряде, но и участники набег точно не знали об окончательно выбранной цели действий. Эта цель была установлена начальником летучего отряда совместно с офицерами (что нельзя не признать верным, так как в таком рискованном

деле каждый из них мог рассчитывать оказаться во главе отряда) лишь в д. Тава – на последней остановке перед нападением на мост.

Наконец, само движение было произведено весьма скрытно – благодаря тому, что в районе расположения противника шли исключительно ночью и без дорог, минуя деревни, а также благодаря скорости движения и заметанию следов переменой направления из д. Сидякошен на запад, что дало отряду возможность уйти от неприятельских дозоров, следивших за ним в течение первого перехода. Во время продолжительной остановки в д. Тава с 4,5 часов утра до 7 часов вечера 7 февраля были приняты все меры, обеспечившие скрытность: деревня была оцеплена пешими часовыми и весь отряд был спрятан в 4 дворах.

У драгун на Тайдзыхе.

В смысле скрытности подготовки и организации движения Хайченский набег является положительным образцом. Правда, здесь участвовал небольшой летучий отряд, который мог пройти более незаметно и скрытно, чем конные корпуса, как при движении на Инкоу и за Факумынь.

Конные корпуса попыткой с помощью демонстраций скрыть истинное направление своего движения не воспользовались.

Одним из главных факторов, влияющих на быстроту движения кавалерийского отряда в набеге, является его подвижность, легкость, что подразумевает отсутствие тяжелого и громоздкого обоза. Между тем в истории конницы еще не было случая придачи конному корпусу вьючного транспорта с пешими проводниками, как это было при отправлении в Инкоуский набег. Посадка этих проводников из бывших пехотинцев на одну из вьючных лошадей на вьючное седло не устраняла громоздкости подобного транспорта в 1500 коней, где на каждого плохо обученного проводника приходилось по 4 плохо пригнанных вьюка. Все недостатки организации вьючного обоза и присоединения его к конному отряду сказались на первом же переходе – когда обоз двигался со скоростью 2–3 км в час и прибыл на ночлег только в 22 часа. Чтобы облегчить транспорт, полки на походе несколько раз получали приказы разбирать из транспорта продовольствие и фураж, но это только перегружало строевых лошадей, и дело

кончалось тем, что казаки бросали выданный им из транспорта фураж. И большинство продуктов, поднятых транспортом, было брошено по дороге.

Движение на Инкоу, а также во время майского рейда за Факумынь было произведено исключительно шагом: средняя скорость движения во время Инкоуского набега составила около 30 верст в день, а майского – около 35 верст в день (при том что лошади находились по 10–12 часов в день под седлом). Причиной этого, кроме медленности движения, были частые привалы, причем 10–15-минутные привалы сплошь и рядом превращались в 1–2-часовые. Во время последних успевали «чаевать» и закусывать, а лошади все время оставались под седлом. А большой привал на 3–4 часа в нескольких километрах от Инкоу и вовсе ничем нельзя объяснить.

Кроме медленности движения, немалую потерю времени вызвали бои, которые вели по дороге – и в Инкоуском, и в Факумыньском набегах, штурмуя занятые японцами деревни. Эти бои начинались с неожиданных столкновений с противником и превращались в более продолжительные и упорные (в их ходе выносились не только раненные, но и убитые).

Средняя скорость движения конного отряда полковника Гилленшмидта к Хайчену за 5 суток похода – около 74 верст в сутки (один день с боем, одни сутки с боем и взрывом моста, причем был сделан переход в 130 верст за 26 часов). Принимая во внимание движение отряда без дорог, по обледелым грядкам гаоляна, отсутствие хороших карт вне района железной дороги, движение главным образом ночью, выполнение набега с такой быстротой является блестящим кавалерийским делом. Эта скорость превосходит скорость движения Стюарта в июле 1862 г. у Ричмонда (в среднем 60 верст в день при движении 56 часов), почти равна средней скорости того же Стюарта в октябре 1862 г. за Потомаком (в среднем 75 верст при движении 3 суток), колонны Кильпатрика (конного корпуса Стонемана) 3–7 мая 1863 г. (около 75 верст при движении 4 суток), и если и менее скорости Моргана в 1863 г. за Орио (при движении 35 часов средняя скорость 96 верст), то лишь потому, что движение являлось более продолжительным, причем много времени ушло на бои (8 февраля). Абсолютная же скорость одного перехода в 26 часов 130 верст (с боем и взрывом моста) выше ранее указанных знаменитых рейдов эпохи Гражданской войны в США. Таким образом, набег полковника Гилленшмидта по абсолютной скорости отдельного перехода стоял на первом месте.

Нельзя, разумеется, предъявлять одинаковых требований к летучему отряду из 4 сотен и конным корпусам с артиллерией, но нельзя и не подчеркнуть, что «набеги» конных корпусов к Инкоу и за Факумынь набегами не являлись.

Отсутствие хороших карт было большим минусом при реализации всех трех набегов. Во время первых двух (на Инкоу и Хайчен), производившихся в более южной части Маньчжурии, были, правда, прекрасные 2-верстные карты от Ньючжуана до Инкоу и района железной дороги к югу от Ляояна, но для движения приходилось пользоваться 20-верстной картой и 4-верстным маршрутом (при набеге на Инкоу), которые оказались неудовлетворительными. В майском набеге, кроме 20-верстной карты, по которой пограничная полоса Монголии представлялась ненаселенной пустыней, были розданы в части еще и отлитографированные копии какой-то захваченной японской карты, переведенной на русский язык. Карта внесла еще большую путаницу.

Все это заставляло широко пользоваться опросом местных жителей. На основании перекрестных расспросов китайцев штаб отряда составлял схему пути движения отряда на следующий день. Схема рассылалась в войска вместе с приказом. Также на основании расспросов китайцев составлялась и общая схема расположения частей сторожевого охранения на ночь.

У драгун на Тайдзыхе.

Движение конных отрядов производилось во время Инкоуского набега сначала четырьмя, затем тремя, а в майском набеге – двумя колоннами. Колонны двигались на расстоянии 2–4 км от направляющей. Связь со средней колонной в Инкоуском набеге поддерживалась дозорами, срочными донесениями и командированием в соседние колонны офицеров с несколькими нижними чинами – для доставки донесений. В майском набеге, кроме цепи дозоров впереди головных отрядов, двигался один взвод на высоте авангардов главных сил обеих колонн, связываясь с головами колонн также цепью дозоров. Но после первого же перехода выяснилось, что одного взвода для связи недостаточно. На следующие переходы каждая колонна отделяла от себя по одному взводу под командой офицера; этот взвод должен был все время видеть свою колонну и соседний взвод другой колонны.

Поддержание связи при движении на Инкоу было в целом удовлетворительно, и при всех столкновениях с противником на походе головы колонн быстро сходились. Исключением было движение в первый день набега, когда колонна вьючного транспорта под прикрытием 1-го Читинского полка отстала и все колонны ушли вперед. Аналогичная ситуация случилась и в ночь на 1 января, когда левая колонна, переправившаяся через р. Ляохе в стороне от других, благодаря сильному туману потеряла соприкосновение со средней колонной и была в это время атакована японцами. Офицер, посланный из левой колонны с донесением о приближении японцев, заблудился в тумане и прибыл в 8-м часу утра.

У драгун на Тайдзыхе.

В майском набеге поддержание связи между колоннами было поставлено неудовлетворительно – несмотря на принятие особых мер в виде высылки взводов для связи. Главная причина – недостаточная подготовка Кавказской дивизии к совершению походных движений с поддержанием связи и невтянутость ее артиллерии в продолжительную работу. Кавказская дивизия постоянно отставала, вовремя не сообщая о задержках движения. 7 мая подошла лишь около 12 часов, после окончания боя уд. Цинсяйпао. Движение конного отряда 11 мая при обходе передовой линии японского расположения может служить отрицательным примером службы связи – не только была утрачена связь с Кавказской дивизией, но и от главных сил оторвался авангард Урало-Забайкальской дивизии. Когда у переправы через р. Си-Ляохе связь была возобновлена, то оказалось, что впереди главных сил левой колонны идут главные силы правой колонны, авангард левой колонны оказался правее правой колонны, а авангард правой колонны – левее. В результате у переправы произошло столпотворение артиллерии, обозов, многочисленных китайских арб с ранеными и пленными.

У драгун на Тайцзыхе.

Осведомленность о противнике и в Инкоуском, и в майском набегах была неудовлетворительна, что вызывало движение отряда вслепую и неожиданные столкновения с японскими заставами, нередко переходившие в нежелательные бои. Причина этого заключалась в том, что конные отряды двигались без «глаз». Насколько кавалерия служит «глазами и ушами» армии, настолько «глазами» для конных отрядов являются летучие разьезды, высланные вперед на расстояние одного или нескольких переходов.

Этому разьезды, высылаемые в Инкоуском и в Факумыньском набегах, удовлетворять не могли. При движении на Инкоу разьезды высылались лишь в полчасовом и даже четвертьчасовом (28 декабря от средней колонны) расстоянии вперед.

В средней колонне только один раз (приказ 29 декабря) был выслан разьезд с точно определенным назначением – «до соприкосновения с противником». Цель движения разьездов указывалась очень неопределенной: «по пути движения на Калихе» (27 декабря), «к Ньючжуану для освещения местности» (28 декабря), «в южном направлении на Инкоу» (30 декабря) и т. д.

Эти разьезды являлись скорее дозорами походных застав, как они сами на себя и смотрели, участвуя в стычках (например, с хунхузами на р. Хунхе), что даже вызвало приказ Мищенко от 28 декабря «разьездам, особенно фланговым, не ввязываться в перестрелку с противником, а задаваться лишь целями разведки и донесений». Нельзя не подчеркнуть, что вопреки требованиям Полевого устава разьезды стремились главным образом не к разведке, а к бою. Состав разьездов – силой около взвода (для самостоятельной задачи «обследования и устройства переправы через р. Тайцзыхе» 29 декабря была выслана сотня).

При майском движении за Факумынь разьезды высылались за час до выступления отряда, первые два дня силой в один взвод, а затем в сотню, по 2–3 сотни от колонны веером. Эти разьезды 4–6 мая, пользуясь медленным движением отряда, успевали отойти от него довольно далеко, до полуперехода, но, попав в тыл японцев, занимались там партизанскими действиями и не успевали вовремя ориентировать начальника отряда.

Как смотрел на дальние разъезды начальник конного отряда, видно из записки командующему Кавказской дивизией 3 мая: «Дальним разъездам, сохраняя данное им направление, вернуться к ночи на линию сторожевого охранения, которое будет выставлено завтра, возвращаясь по другой дороге для исследования таким образом целого района».

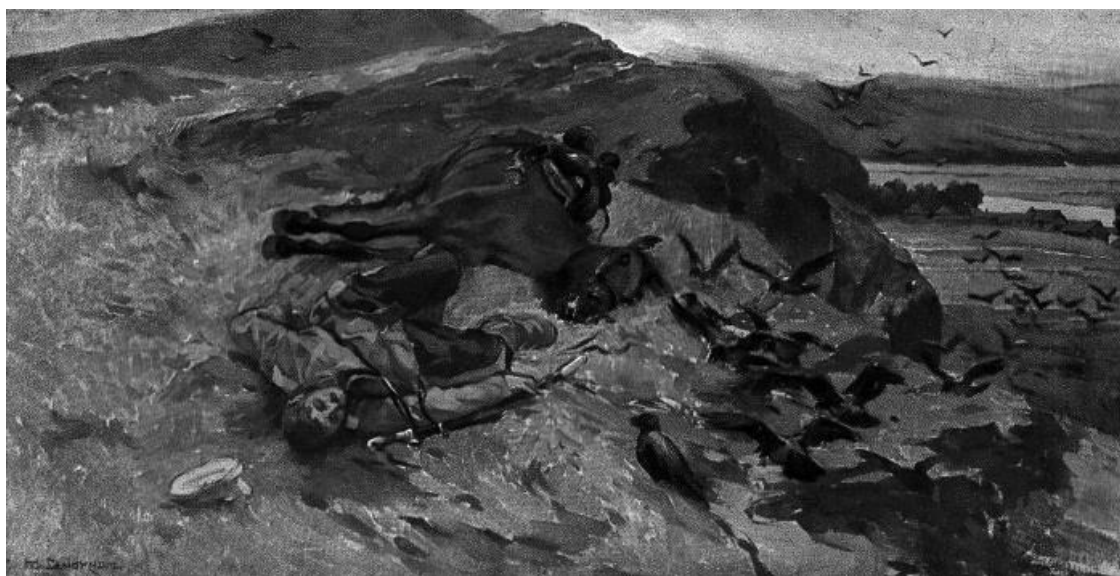
Таким образом, эти разъезды были лишены широкой самостоятельности, должны были на ночь возвращаться к отряду и по этой причине терять соприкосновения с противником.

Из-за этого движение отряда совершалось вслепую, и в результате 4–5 мая отряду пришлось, вследствие стычек с противником, три раза останавливаться и менять направление, а 7 мая отряд был совершенно неожиданно встречен огнем японской пехоты с пулеметами – спереди, справа и отчасти слева. Таким образом, из-за отсутствия разведки отряд попал в мешок, из которого пришлось пробиваться к югу. В таких условиях, когда разъезды двигались почти всегда непосредственно перед авангардом и являлись скорее охраняющими, а не разведывательными частями, начальники отряда и колонн не могли быть своевременно ориентированы в том, что находится впереди них – ведь разъезды не успевали вовремя информировать.

Таким образом, разведка очень хромала.

Движение конных отрядов во время обоих набегов охранялось согласно Полевому уставу – авангардами, арьергардами, походными заставами.

От главных сил высылались походные головные и боковые заставы.

У драгун на Тайдзыхе.

В майском набеге при движении каждая колонна высылала еще и боковые авангарды, так как слева приходилось обходить район японского расположения, справа же в Монголию отошли шайки хунхузов – после стычки с передовыми частями Кавказской дивизии в первый день похода. На обратном пути при возвращении отряда в Ляоянвопу примерно 10 км впереди авангардов (высланы за час вперед и выдвинулись переменными аллюрами) двигались 4 передовые сотни, справа, кроме бокового авангарда, движение охранялось еще 4 отдельными боковыми полусотнями. Передовые сотни и боковые полусотни были связаны между собой дозорами. Здесь эти сотни и полусотни не играли роли так называемых передовых эскадронов, имеющих разведывательное назначение в виде поддержки линии летучих разъездов, а выполняли задачи охранения (разведка служила целям охранения).

Прикрывающие части (авангард и головной отряд) в майском набеге часто шли слишком близко друг от друга и от главных сил – и в результате 4 мая авангард левой колонны, шедший в хвосте головного отряда, неожиданно наскочил на занятую японцами д. Чаубаопа.

Какие достоинства и недостатки были присущи всем трем набегам (рейдам) с боевой точки зрения?

Целесообразными с оперативной точки зрения были бои под Инкоу и Хайченом. Инкоуский бой имел целью взятие станции Инкоу (ради уничтожения обильных запасов), а бой у Хайченского железнодорожного моста (с охраной) вел к взрыву моста.

У драгун на Тайдзыхе.

Бои 7 мая у деревень Цинсяйнао, Дон-Сяза и Тасинтунь, остановившие движение конного отряда, были нецелесообразны по отношению к цели операции – задержать переход япон-

ских армий в наступление посредством истребления складов и транспортов, порчи коммуникаций, так как служили задержкой движения отряда (любая задержка была выгодна противнику, давая возможность принять меры противодействия). Мало того, эти бои были совершенно случайными из-за полной неосведомленности о расположении и действиях противника. Видеть блестящим результатом этих боев прорыв 1-го Читинского казачьего полка на Мукден-Факумыньскую дорогу и уничтожение там транспорта – совершенно неосновательно, так как результаты были бы значительно более серьезными, если бы на эту дорогу, не ввязываясь в бои с противником и обходя его позиции, вышел весь конный корпус.

Ряд боев по дороге, при движении конного отряда к Инкоу и при возвращении, столкновение 4 мая у д. Чаубаопа были не только не целесообразны, но даже вредны, так как задерживали и обнаруживали движение отрядов к конечной цели. Также эти бои были совершенно случайными – опять-таки вследствие неудовлетворительной постановки службы разъездов.

Подготовка целесообразного и заранее предрешенного боя под Инкоу была поставлена в высшей степени неудовлетворительно. Остановка всего конного корпуса в течение 3–4 часов у д. Такаукхен в 11–12 км от Инкоу является ничем не объяснимой, так как давала японцам возможность использовать это время для укрепления станции и подвоза подкреплений по железной дороге (чем они и воспользовались).

Для выработки плана, выбора окончательного пункта и направления атаки была необходима предварительная рекогносцировка местности, сил и расположения противника (что было особенно важно для ночного боя). Ночной бой был заранее предрешен: по крайней мере начальник штаба конного отряда в Инкоуском набеге полковник князь Вадбольский объяснял задержку у д. Такаукхен «решением начальника отряда появиться у станции Инкоу за 1,5 часа до наступления темноты», что при малейшем сопротивлении со стороны японцев приводило к ночному бою. Между тем никакой рекогносцировки не было (а она могла бы выяснить присутствие впереди станции искусственных препятствий); на привале отряда у д. Такаукхен Мищенко «изложил собравшимся начальникам свой план атаки станции; план был одобрен всеми. Тут же под шум дополнительных обсуждений была написана и роздана диспозиция»¹².

Даже о том, что д. Хоунтай не занята японцами, стало известно не путем рекогносцировки или от разъезда, а благодаря тому, что «подъехал артиллерист штабс-капитан Комаров, любителем отправившийся в набег, и доложил об этом».

Главный залог победоносного боя заключается, как известно, в сосредоточении в решительную минуту к решительному пункту атаки превосходящих сил. Между тем для атаки станции Инкоу, то есть для главного удара, назначаются 19 эскадронов и сотен из 72, то есть около четверти всего отряда; для второстепенной цели – порчи пути на железной дороге Инкоу – Дашичао и обеспечения отряда слева разведкой – действовало 5 сотен. На большую же часть отряда была возложена, игнорируя принцип сосредоточения сил, пассивная роль постороннего наблюдателя. Артиллерии был поручен, правда, обстрел станции Инкоу, но и этот часовой обстрел имел скорее характер демонстрации, нежели серьезной подготовки главного удара. Между тем этот артобстрел, не удовлетворяя условию внезапности, необходимому для успеха в ночном бою, зажег пожар на станции и осветил подход штурмующей колонны. Даже как демонстрация эта стрельба, поддержанная 14 спешенными донскими сотнями, не была ведена настолько энергично, чтобы привлечь к себе внимание противника. Сотни двигались медленно, приостанавливались и при наступлении темноты, то есть как раз тогда, когда можно было ожидать действий отряда, назначенного для главного удара, получили приказ отходить.

Для главного удара было, как мы отметили выше, назначено около четверти отряда, но и эти 19 эскадронов, сотен и команд были составлены из 16 разных частей, принадлежавших не только разным корпусам, но и разным армиям. Таким образом, вместо стройной организации с внутренней спайкой, необходимой для предстоявшего ночного боя на совершенно незнакомой местности, была искусственно создана подобная импровизация. Важная в любом бою роль глав-

ного руководителя в ночном бою была тем более важна. Между тем во главе 19 сотен и команд, то есть почти целой кавалерийской дивизии, идущей на ночной штурм, был поставлен человек, не только не командовавший даже сотней, но и офицер из милиционеров, никогда не видевший попавшие под его командование части. Сам начальник конного отряда, доведя свой отряд под Инкоу, организовав таким образом «сборный отряд» для главного удара и поставив во главе его полковника Хоранова, совершенно устраняется от дальнейшего руководства боем (за исключением направления 14 донских сотен для демонстрации и обстрела двумя забайкальскими батареями поезда с японскими подкреплениями). При получении донесения о появлении нескольких японских батальонов не принимаются никакие меры по усилению штурмующей колонны (демонстрировавшие донские сотни уже к тому моменту отозваны). Напротив, отдается приказ всему отряду отходить – оставляя на произвол судьбы товарищей штурмующей колонны, которой было послано приказание «взорвать, что можно, и уходить». В то же время штурмующая колонна начала атаку и была отбита. При получении донесения об отбитой атаке и больших потерях на помощь штурмующей колонне были выдвинуты 3 эскадрона нежинских драгун. И уже совсем ночью, после прихода на ночлег у Лексантуня, при известии о невозможности для «сборного отряда» доставить всех раненых, был двинут 5-й Уральский казачий полк с собранными у всех частей конными носилками.

Полковник Хоранов, спешив 16 отдельных эскадронов, сотен и охотничьих команд и оставив в прикрытие коноводов аж 3 эскадрона Приморского драгунского полка, выстроил свой отряд в одну линию, не оставив резервов. Атака была произведена в лоб – на окопы, усиленные волчьими ямами и проволочными заграждениями. Точного направления движения отряду дано не было (было приказано двигаться на огни, но огни виднелись по нескольким направлениям, на станции, в бывшем русском поселке, в китайских деревнях), и части перепутались, перемешались по фронту и в глубину. В итоге все атаки были отбиты с потерей около 200 человек, а отступление прикрыто тремя эскадронами нежинцев.

Отряд в 5 сотен кавказской бригады, высланный на железную дорогу Инкоу – Дашичао, подошел слишком поздно, так как опоздал с выступлением, поджидая подрывного выюка, – и пропустил первый поезд с японской пехотой. Прекратив после вывода из строя участка пути дальнейшее движение поездов, этот отряд огнем своих спешенных частей и пулеметов приостановил до темноты наступление второго эшелона японской пехоты, высадившегося из поезда.

Связь между частями боевого порядка в бою почти отсутствовала.

Целесообразный с точки зрения движения к Инкоу и уничтожения складов бой у станции Инкоу поражает ничем не объяснимым отсутствием планосообразности в его ведении – и является примером того, как не надо вести бой.

План атаки Хайченского моста был разработан начальником отряда совместно с офицерами на последней остановке в д. Тава. Для главного удара – овладения охраняемым мостом – была назначена половина отряда – 2 сотни. Для охраны с правого и левого фланга вдоль железной дороги высылаются к северу и югу по полусотне, на которые возложена задача вывести из строя телеграф, заложить заряды для крушения поезда, а при подходе японских подкреплений задержать их огнем. В виде общего резерва и для прикрытия коноводов остались 2 полусотни, от которых выставляются наблюдательные посты и высылаются небольшие дозоры. Взрыв моста был возложен на особую подрывную команду.

Движение двух спешившихся сотен к мосту было произведено очень скрытно. Работа подрывной команды на мосту продолжалась 1,5 часа. В течение этого времени спешенные сотни прикрывали работу, обстреливая из-за железнодорожного полотна отступившую в соседнюю рощу японскую команду, охранявшую мост.

Бои 8 февраля при возвращении отряда полковника Гилленшмидта от Хайченского моста, когда отряд попал в ловушку, будучи обстрелян японцами со всех сторон, и был вынуж-

ден пробиваться, были целесообразны для обеспечения возвращения отряда, хотя более целесообразным было возвращение отряда по совершенно другому направлению.

Нецелесообразный и совершенно случайный бой 7 мая представлял из себя собственно ряд отдельных боев у деревень Цинсяйпао, Дон-Сяза, Тасинтунь.

Все эти бои – результат плохой разведки и рекогносцировки, полной неосведомленности о противнике. Плохая разведка и отсутствие рекогносцировки проходят красной нитью через все эпизоды этих боев.

План движения обеих колонн был составлен вечером 6 мая на основании рассказов китайцев, которые утверждали, что движение транспортов в армию Ноги происходит от Синминтина рекой Ляохе до Шифусы, далее Мукденской дорогой на Факумынь; в деревнях Шифусы и Такудзя японцами были созданы продовольственные склады с небольшими прикрытиями (этапные пункты). Вследствие этого был решен выход конного корпуса на эту этапную линию армии Ноги – вблизи Такудзязы.

При этом движении авангард правой колонны (Урало-Забайкальской дивизии) был неожиданно остановлен огнем японской пехоты, занявшей окопы по западному склону небольшого хребта, прикрывавшего дорогу Шифусы – Факумынь. Одновременно неожиданно японцами был открыт огонь справа – из окопов у д. Цинсяйпао. Слева также слышались выстрелы; Кавказская дивизия отстала, и о ней ничего не было известно. Попытка выбить артиллерию японцев, занимавших окопы по хребту вдоль дороги Шифусы – Факумынь, оказалась безуспешной.

Принятое начальником отряда решение – прикрываясь авангардным полком спереди, пробиваться на юг – было верным, так как на востоке японская позиция по хребту была очень сильна и давала противнику возможность держаться до подхода подкреплений по Шифусы-Факумыньской дороге; в южном же направлении основания предполагать серьезные японские силы отсутствовали.

Таким образом, отсутствие правильной разведки заставляло принять бой, чтобы выйти из мешка, в который попала дивизия.

Бой у д. Цинсяйпао оказался удачен: две роты, выбитые из окопов артиллерийским огнем с фронта и фланговым огнем спешенных сотен, бросили пулеметы и бежали. Во время бегства в гору по открытому скату остатки этих рот были атакованы в конном строю сотнями уральцев и верхнеудинцев и, кроме 60 человек, взятых в плен, оказались изрублены. К концу боя подошла, наконец, Кавказская дивизия, и отряду был дан часовой отдых.

Этим временем можно было воспользоваться для разведки к югу, то есть в том направлении, куда предполагалось дальнейшее движение отряда. Между тем только уже при движении отряда боковая застава левой колонны, часть охраняющая, а не разведывательная, обнаружила присутствие японцев в д. Дон-Сяза и в окопе впереди нее.

Опять неожиданный и беспельный бой (ведь совершенно нецелесообразно для конного корпуса, назначенного для действий на сообщениях противника, терять дорогое время в единоборстве с отдельными японскими заставами, занимавшими окопы и деревни, приведенные в оборонительное состояние; кроме отвлечения от цели операции, понапрасну расходовались боеприпасы, а войска обременялись ранеными, затруднявшими движение).

Южнее д. Дон-Сяза в д. Тасинтунь тоже оказались японцы, и это было обнаружено не разъездами, а (совершенно неожиданно) авангардными сотнями 1-го Читинского казачьего полка – ив результате новый, также совершенно беспельный бой у д. Тасинтунь.

Высланная хотя бы с привала после боя у д. Цинсяйпао разведка обнаружила бы японские заставы у Дон-Сязы и Тасинтунь, и начальник отряда мог бы исправить свою ошибку и обойти противника движением к юго-востоку на Шифусы, где и выйти на этапную линию японцев; часть отряда (до бригады) можно было выдвинуть на эту линию мимо Цинсяйпао (по пути, по которому выдвинулся, по собственной инициативе, 1-й Читинский казачий полк).

В бою у д. Дон-Сяза Кавказская дивизия получила приказ атаковать японцев с севера, а Урало-Забайкальская с запада. Связи в виде донесений о ходе событий в течение всего дня между Кавказской дивизией и штабом отряда, находившимся при Урало-Забайкальской дивизии, почти не было. Два раза, впрочем, приезжал к начальнику конного отряда сам командующий дивизией генерал Карцов – «для испрашивая указаний». Отсутствие связи штаба отряда с Кавказской дивизией привело к тому, что начальник отряда из командира корпуса превратился в руководителя действиями одной Урало-Забайкальской дивизии.

В Кавказской дивизии, кроме отсутствия связи со штабом отряда, не было и надлежащего руководства боем.

Не дожидаясь окончания боя у д. Дон-Сяза, при полной неосведомленности о событиях на крайнем левом фланге, начальник отряда двинулся далее к югу; при остановке движения огнем японцев из д. Тасинтунь авангардные сотни читинцев спешились, рассыпали цепь, и начальник отряда стал лично руководить цепью. Отсутствие общего руководства боем вызвало разрозненность действий и позволило японцам упорно держаться. А начальник отряда, опасаясь больших потерь, решил отказаться от продолжения боя и двинуться к юго-западу.

Д. Тасинтунь была взята, причем захвачена целая рота 49-го резервного полка с 4 офицерами – благодаря проявлению инициативы двух сотенных командиров: 5-го Уральского полка подьесаула Зеленцова и 1-го Сунженско-Владикавказского полка подьесаула Филиппова.

Результаты бесцельных боев 7 мая сказались в больших потерях, обременивших отряд ранеными, в большом расходе боеприпасов и в приостановке движения отряда к этапной линии армии Ноги. Нечего было и думать о повторении на следующий день движения на восток и действиях в тылу противника, ибо благодаря выигрышу целого дня японцы могли занять свою этапную линию сильными частями с артиллерией (выдвинутыми из Факумыня и Мукдена). Пришлось отказаться и от движения на Синминтин – для уничтожения там складов японской промежуточной базы (отряд был связан обозом китайских арб с ранеными, и количество оставшихся артиллерийских боеприпасов было недостаточно для ведения упорного артиллерийского боя).

Бои 7 мая служат прекрасной иллюстрацией того, что насколько целесообразный бой может дать положительные результаты, настолько и нецелесообразный, даже при успехе, дает результаты только отрицательные.

Попутные бои у Камхе и Уцзятуй в Инкоуском набеге и у Чаубаопы 4 мая завязывались совершенно случайно – из-за отсутствия надлежащей разведки и даже службы дозоров. Они продолжались и становились упорными благодаря стремлению просто «подраться», а затем желанию вынести из огня всех раненых. Они были не только бесцельны, но и вредны для общей идеи операции, так как, с одной стороны, обнаруживали движение отряда (то есть противоречили условию скрытности), а с другой – приводили к непроизводительной потере времени и обременению отряда ранеными (что снижало скорость движения).

Небольшими пехотными заставами противника, занимавшими отдельные строения и деревни, приведенные в оборонительное состояние, следовало пренебречь, так как для кавалерийского отряда, не имеющего тыла и могущего возвращаться по другому пути, подобные заставы не представляли никакой опасности.

Бой против пехоты велся главным образом в пешем строю. Но имевшие место быть конные атаки к месту были достаточно эффективны. Так, в вышеупомянутом бою 7 мая японская пехота, бежавшая по открытому скату, оказалась атакована уральцами и верхнеудинцами и, за исключением 60 человек, уничтожена. Казаки понесли мизерные потери. За весь бой у д. Цинсяйпао было убито 4 казака и ранено 14 казаков, убито и ранено 14 лошадей. В то же время безрассудные лобовые атаки в конном строю на глиняную стенку и завод у д. Уцзятуй 28 декабря и на окопы у д. Дон-Сяза 7 мая успеха не имели и принесли лишь напрасные жертвы. Эти конные атаки были произведены и без дозоров.

Лобовые атаки 28 декабря вызвали приказ Мищенко: «Всячески избегать лобовых атак, особенно в конном строю противника, засевшего за валами или деревнями: держась вне прицельного выстрела, окружать деревню лавою, угрожать пути отступления неприятеля; при упорстве его обстрелять деревню одним-двумя взводами артиллерии, снаряды беречь».

Характерно спешивание «летучего» отряда полковника Гилленшмидта при возвращении от Хайчена для отпора наседавшим массам японцев и хунхузов – чтобы задержать противника и позволить отойти конным носилкам с ранеными.

Что же в итоге?

Результат набега 70 сотен с 22 орудиями на Инкоу заключался в рассеивании нескольких шаек хунхузов, разгроме нескольких японских пехотных застав, в нескольких отбитых транспортах, повреждении телеграфной и телефонной линий около Нъючжуана. Железная дорога была повреждена крайне незначительно – около Хайчена в ночь на 29 декабря (повреждены были собственно два паровоза – зарядом, положенным на путь) и у Дашичао. Более значительные повреждения были произведены 30 декабря на Инкоу-Дашичаоской ветке, где разъезду Кавказской бригады удалось взорвать железнодорожное полотно на довольно большом протяжении (в 5 местах) и этим организовать крушение паровоза, шедшего со скоростью около 100 км в час; крушение усилило повреждение пути.

За все время набега в отряде погибло 7 офицеров и 73 нижних чина, было ранено 32 офицера и 117 нижних чинов, без вести пропал 21 нижний чин; лошадей было убито 69 и ранено 75.

В майском набеге конный отряд в 45 сотен и 6 конных орудий уничтожил 2 японские роты, взял в плен 234 человека, захватил 2 пулемета, разрушил телеграфную и телефонную линии в нескольких местах: южнее Кайпина (екатеринодарцы), на линии Синминтин – Шафусы (уральцы) и в 4 местах на линии Шафусы – Факумынь (читинцы), захватил до 200 лошадей и мулов, захватил и уничтожил несколько транспортов. Потери отряда: 3 офицера убитыми и 11 ранеными, 35 казаков убитыми и 138 ранеными (всего 187 человек) при полном расстройстве конского состава (особенно в Кавказской дивизии, лошади которой не могли поправиться до конца кампании; хоть по возвращении из набега дивизия несла службу главным образом на передовых постах, уже 3 августа командующий дивизией сообщал начальнику конного отряда, что конский состав дивизии пришел в упадок и что он считает его неспособным к несению сколько-нибудь серьезной походной или боевой службы). Тут, правда, стоит отметить, что дивизия еще до начала рейда при движении из Гунчжулина в Ляо-янвопу совершила два изнурительных перехода по 60 км.

Результатом Хайченского набега был взрыв железнодорожного моста, у которого оказались перебиты пояса обеих ферм; середина моста несколько перекосилась, повернувшись вокруг продольной оси. Судя по частной японской телеграмме, помещенной в газетах, железнодорожное сообщение было быстро восстановлено. Таким образом, сами японцы признают, что в течение некоторого времени движение было прервано – по главной коммуникационной линии японских армий. Потери отряда заключались в двух офицерах ранеными (один вскоре умер), тогда как нижних чинов убито 13, без вести пропало 2, ранено 19 (при этом почти все потери были вызваны не боем за взятие моста, а при возвращении, когда отряд, будучи окружен, пробивался с боем).

Сравнивая рассмотренные три набега, нельзя не обратить внимание на довольно характерное различие между двумя набегами конных масс генерала Мищенко и набегом 4 сотен полковника Гилленшмидта – как относительно постановки самой идеи операции, так и по подготовке к ее исполнению.

В первом набеге свободная воля начальника конного отряда в стремлении к поставленной цели – уничтожению обозов и запасов японцев – была стеснена главнокомандующим, который «рекомендовал особенному вниманию склад у ст. Инкоу».

В майском набеге на конный отряд с 6 конными орудиями возлагалась невыполнимая задача – истребляя склады и запасы японцев, задержать наступление их армий в течение 3-недельного периода.

Полковнику Гилленшмидту задача взорвать железнодорожный мост на участке Ляоян – Дашичао давала полную возможность проявить самую широкую личную инициативу.

Движения на Инкоу и за Факумынь не удовлетворяли двум главным условиям успешности набегов – скрытности и быстроты; набег на Хайчен был совершен при полном соблюдении и скрытности (единственное нарекание – относительно движения 8 февраля при возвращении) и быстроты.

В набеге конных корпусов присутствовал лишь один целесообразный бой – под Инкоу, а остальные нецелесообразные и притом случайные бои представляли картину полного отсутствия планообразности (в особенности характерен в этом отношении опять же бой под Инкоу).

Исполнение набеге к Хайченскому мосту, бой за взятие моста и взрыв последнего вполне соответствовали поставленной цели и были проведены вполне планообразно.

Оба набеге конных отрядов Мищенко характеризуются неудачей в достижении поставленной цели; в Хайченском набеге задача, возложенная на отряд – взрыв одного из мостов на железной дороге, – была выполнена блестяще.

Таким образом, набеге на Инкоу и за Факумынь являются, к сожалению, примерами того, как не надо организовывать набеге (рейды), а Хайченский набег служит положительным образцом, который смело можно поставить в один ряд со знаменитыми рейдами североамериканской конницы, а по абсолютной скорости одного перехода с боем и взрывом железнодорожного моста полковник Гилленшмидт превзошел все, что до него присутствовало на страницах военной истории.

Помимо трех рассмотренных набеге (рейдов) русской конницы в Русско-японскую войну имели место отдельные поиски небольшими партиями в тылу японских армий – для разрушения железнодорожной инфраструктуры. Следует обратить внимание на действия разъездов поручика Левшановского, хорунжего Груничева и корнета Мааса, которые вечером 19 декабря вывели из строя железнодорожное полотно и подорвали телеграфные столбы в 10 км севернее Хайчена. На этом участке потерпел крушение паровоз, шедший из Ляояна. Действия этих разъездов вызвали у японцев тревогу, сопровождающуюся орудийной стрельбой. Разъезд корнета Мааса по окончании операции направился на Ньючжуан, в окрестностях которого вывел из строя японский полевой телеграф.

В январе 1905 г. во время боев у Сандепу, когда отряд генерала Мищенко был у Лайдунгоу всего в 12 км от железной дороги, были высланы разъезды – по взводу 15-рядного состава из охотников. Цель – разрушение железной дороги. Разъезд сотника Миронова повредил полотно в 12 км южнее Ляояна, разъезд сотника 1-го Читинского полка Сарычева вышел под утро к железной дороге в 8 км южнее Ляояна, где вследствие наступления дня был обнаружен, успев взорвать лишь рельсы.

На левом фланге русских армий обращает на себя внимание поиск сотника Эксе в конце января – начале февраля 1905 г. из отряда генерала Ренненкампа – к среднему течению р. Ялу. Во время поиска сотник Эксе у сел. Личагоу, лежащего примерно в 10 км севернее правого берега р. Ялу и в 120 км от Ыйчжоу, сжег большой японский склад продовольственных припасов, затем захватил шедший к противнику транспорт с продовольствием, но отвести последний далеко не удалось – разъезд был окружен с трех сторон японцами, что заставило сотника сжечь транспорт и по горным тропам вести разъезд на соединение с отрядом.

В апреле – мае 1904 г. из Мукдена в Корею был отправлен для действий на сообщениях армии Куроки небольшой отряд из 2 сотен и 2 конно-охотничьих команд подполковника Мадритова. Отряд в середине апреля дошел до среднего течения р. Ялу и разрушил в Пектоне

японский склад фуража, атаковал этап в Аньчжоу, но был отбит и должен был отступить. Отряд прошел около 1200 км, уничтожил несколько японских складов, но большого переполоха в японском тылу не произвел.

Во время стоянки Конного корпуса Мищенко выступом впереди правого фланга 2-й армии (в Ляоянвопе) было получено донесение от китайских шпионов, что японцы собрали значительную кавалерию на своем левом фланге – у границы Монголии. Якобы эта кавалерия расположена в окрестностях Хасинтуня в полной безопасности – пустив своих лошадей табунами на пастбище.

Для проверки этих сведений и, в случае их подтверждения, для нападения на эти табуны был сформирован летучий отряд полковника Баратова.

В отряд было назначено 4 сотни – по полусотне от каждого из 8 полков корпуса (то есть опять был сформирован сборный отряд, но зато составленный из лучших людей-охотников на лучших лошадях).

Отряд с вечера 11 июня собрался на передовых постах уд. Тайпин-гай и в 2 часа ночи двинулся в путь.

Пройдя около 35 км, притом исключительно шагом, отряд вышел не в тыл японцам к д. Хасинтунь, а к Силунчжуану, который считался крайним левым флангом японских позиций.

Не доходя до Кайпино-Силунчжуанских возвышенностей, на которых были расположены японские укрепления, отряд был остановлен. Вперед было выслано 3 взвода (екатеринодарский, верхнеудинский и уральский), которые, рассыпавшись лавой, вошли в песчаные барханы и, пройдя около 3 км, были встречены огнем передовых частей японцев, которые отошли, когда казаки спешили и открыли огонь.

Непроверенное донесение об обнаруженном обходе со стороны противника вызвало совершенно непонятное отступление всего отряда без всяких потерь, причем не было произведено даже попытки проникнуть в тыл противника – дальним обходом его левого фланга.

Отряд отступил настолько поспешно, что не дождался возвращения высланных вперед взводов, которые нагнали его только тогда, когда, пройдя около 10 км, он расположился на отдых.

Таким образом, этот набег, от которого так много ждали и который имел все данные вылиться в лихое, чисто кавалерийское дело, закончился ничем. Начальник отряда проявил полное отсутствие решимости и распорядительности и не только не выполнил своей задачи, но и не пытался сдаться это. Причина неудачных действий отряда, все чины которого рвались вперед, всецело лежит на ответственности начальника отряда.

Эта попытка осуществить рейд лишь подтвердила предвзятое предположение, что Силунчжуан – крайний левый фланг японских линий (хотя было много слухов о появлении японцев в Монголии, и достоверность этих сведений не была проверена; когда же в конце августа, после заключения перемирия, была получена карта демаркационных линий, то оказалось, что японские позиции продвигались примерно на 30 км в глубь Монголии, то есть протягивались далее русских).

Основные выводы мы уже сделали выше, теперь приведем мнение участника рейдов генерала Мищенко. Как отмечал В. Чеславский (в рассматриваемый период – сотник 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска), «даже если бы наша конница, прорвавшись в тыл неприятелю, была бы уничтожена противником, то ею можно пожертвовать, ввиду той громадной и неоценимой пользы, которую она может принести нашей армии рейдом, а может быть, даже привести неприятельский фронт к полной катастрофе и заставить противника заключить мир... В Русско-японскую войну я был участником двух набегов нашей конницы, один на город Инкоу зимой 1904 года, а другой в мае 1905 года в тыл армии генерала Ноги. И при полном неумелом и бездарном ведении этих набегов генералом Мищенко все же мы много принесли неприятности японскому командованию и даже привели с собой несколько

сот пленных японцев, что в японскую войну не удавалось брать так легко пленных, как в эту войну.

И я из опыта видел, чем глубже конница заходит в тыл неприятеля, тем легче ей действовать. И если бы вместо Мищенко рейдом руководил такой знаток кавалерийского дела, решительный, толковый и храбрый генерал В. Гурко, то результат был бы другой»¹³.

2.2. Отряд генерала Ренненкампа и специфика его действий

Заслуживают упоминания и действия отряда генерал-майора (с 30 июня 1904 г. – генерал-лейтенанта) П. Г.-К. Ренненкампа, ядром которого являлась руководимая им Забайкальская казачья дивизия.

Это позволит нам увидеть и основные формы применения конницы в ходе Русско-японской войны.

Так, 26 апреля подразделениями отряда была предпринята усиленная рекогносцировка в направлении на м. Куаньдёнсянь, занятого, по донесению высланных ранее разъездов, отрядом японцев из всех трех родов оружия.

Генерал-лейтенант П. Г.-К. Ренненкампф.

Состав рекогносцирующего отряда, выступившего из Саймацзы в 8 часов: 3 сотни 2-го Нерчинского полка, 3 сотни 2-го Аргунского и 4 сотни 1-го Аргунского полков, а также 4-я Забайкальская казачья батарея.

Около 21 часа отряд достиг Шаогоулинского перевала. Артиллерия на этом громадном и труднопроходимом перевале окончательно застряла, и 3 сотням Нерчинского полка, шедшим сзади батареи, пришлось на руках втаскивать орудия на перевал.

Последнее орудие было поднято около 7 часов утра.

Очевидец писал в дневнике: «...Единственное благоприятное явление в этом движении и остановке на ночь на перевале для перетаскивания орудий – это хорошая погода»¹⁴.

Окончательно перевалили к Шаого около 11 часов 27-го, где и остановились на отдых.

Генерал Ренненкампф, не дожидаясь батареи и занятых ею сотен, около 8 часов отправился с тремя сотнями к Куаньденьсяню. Произведя рекогносцировку, он обнаружил в Куаньденьсяне значительные силы противника и распорядился убрать за перевал артиллерию (под прикрытием 3 сотен 2-го Нерчинского полка).

Около 23 часов отряд остановился на ночлег у р. Айхэ, в то время как начальник отряда оставался с арьергардными сотнями у Шаого.

Вечером 28 апреля возвратились в Саймацзы.

Следующим заметным событием была разведка по долине р. Бадао-хэ. 2 мая отряд в составе 10 сотен (2 сотни 2-го Нерчинского, 5 сотен 2-го Аргунского и 3 сотни 1-го Аргунского полков) при двух орудиях 4-й Забайкальской батареи в 7 часов выступил из Саймацзы к Фынхуанчену по долине р. Бадаохэ – с целью усиленной рекогносцировки.

Дорога была труднопроходима, так как почти на каждом километре приходилось проходить вброд р. Бадаохэ, дно которой было покрыто крупным камнем.

Отрядом было пройдено за этот день около 40 км, причем присутствия японцев обнаружено не было. Для ночлега отряд продвинулся на 5–6 км обратно и расположился биваком в небольшой рощице на берегу р. Бадаохэ. Охранение – на все четыре стороны.

3 мая отряд выступил с места ночлега около 7 часов – и двинулся в дальнейшее наступление.

Через некоторое время впереди слышались выстрелы. Авангардная сотня (2-го Нерчинского полка), а также сотня сторожевого охранения (2-го Аргунского полка) были рассыпаны в лаву по долине. Прикрываясь лавой двух сотен, отряд продолжал наступление. 2-я сотня нерчинцев в это время двигалась в колонне за левым флангом лавы, прикрываясь складками местности.

Когда огонь противника начал причинять сотням лавы вред и определилась занятая японцами позиция (высота, преграждающая долину), 2-я нерчинская сотня была спешена, заняла позицию и открыла огонь. Вслед за этим на ту же позицию была спешена собравшаяся к левому флангу лавы 2-й сотни 2-го Аргунского полка. 4-я нерчинская сотня, собравшаяся к правому флангу, направлена на правый горный массив – на случай предупреждения обхода правого фланга по горам.

Кроме того, для обстрела ближайшего левого фланга противника была спешена еще полусотня 2-го Аргунского полка, которая в редкой колонне по одному (цепочкой) перешла вброд реку (по пояс) и поднялась на гребень.

Перестрелка на этой позиции продолжалась не более 30 минут, после чего противник отступил. Отряд повел дальнейшее наступление, выбивая японцев последовательно еще с двух позиций.

С наступлением темноты отряд прекратил преследование и, продвинувшись обратно до д. Санцзяцзы, остановился на ночлег.

Артиллерия и большая часть сотен участия в деле не принимали.

Рекогносцировкой было выяснено, что на этой дороге вплоть почти до Фынхуанчена серьезных сил противника нет, долина же была занята только двумя ротами пехоты и одним эскадром кавалерии.

По пути преследования был найден наскоро преданный земле труп убитого японца и несколько брошенных ранцев, очевидно, с раненых. Казакам рекогносцировка стоила ранеными 8 человек и 5–6 лошадей.

4 мая около 17 часов, под страшным ливнем отряд вернулся в Саймацзы.

В период 4–8 мая, кроме разведок ближними разъездами и отдельными сотнями, была выслана, по предложению командующего армией, серия разъездов из охотников – в тыл противника в направлении на Фынхуанчен и Куаньденьсянь. Действия этих разъездов, за малым

исключением, были достойны похвалы – но сведения были запоздалыми и поэтому обесценивались. Половина разъездов не вернулась.

Блестящая разведка подьесаула Казачихина (2-го Аргунского полка), который, пробравшись к самому Фынхуанчену, добыл полные и подробные сведения о силах японцев и снял кроки фынхуанченских укрепленных позиций, использована не была.

Дельная и самоотверженная разведка разъезда подьесаула Миллера (2-го Нерчинского полка) дала сведения крайне запоздалые.

Оба разъезда были рассеяны, и часть их, оставшаяся в живых, больными от голодного тифа и ранеными попала в плен.

Много поработало и большинство других разъездов.

9 мая сосредоточенный в д. Айянямынь отряд из 9 сотен (2,5 2-го Нерчинского, 4,5 2-го Аргунского и 2 1-го Аргунского полков) двинулся из Айянямыня в долину р. Айхэ – через перевал Дапинцин.

10 мая отряд повел наступление на д. Шитоучен, занятую, по сведениям лазутчиков и донесениям разъездов, отрядом противника силой около батальона пехоты, 2 эскадронов при 2 орудиях.

Для наступления отряд был разделен на две колонны: 5 сотен (4,5 сотни 2-го Аргунского и полусотня 2-го Нерчинского полков) под начальством генерала Ренненкампа двинулись по долине р. Айхэ, а 4 сотни (поровну 2-го Нерчинского и 1-го Аргунского полков) под командой полковника Карцева – по тропам правого горного массива (с тем чтобы, выждав завязку боя Ренненкампом, ударить в левый фланг противника).

Труд движения по горным тропам был напрасный, ибо японцев там не оказалось. Находившийся в Шитоучене эскадрон, узнав о движении колонны, ушел, будучи замечен только головными дозорами.

После соединения колонн отряд остановился на ночлег биваком на берегу р. Айхэ.

11 мая около 7 часов отряд повел дальнейшее наступление по дороге на д. Дапу, которая, по имевшимся сведениям, была занята японцами.

Дапу прошли спокойно. Но как только авангардная сотня (1-го Аргунского полка) выехала из деревни, по ней был открыт огонь с очень близкого расстояния. Сотня рассыпалась в лаву и продолжала наступать. В этот момент генерал Ренненкампф приказал 2-й и полусотне 5-й сотен Нерчинского полка, шедшим в голове колонны, разомкнутыми рядами наметом выскочить из деревни к правому горному массиву, спешиться, занять на гребне позицию и выбить японцев огнем. На этом же гребне заняла позиции и спешившаяся авангардная сотня.

Спешенные нерчинские сотни быстро взобрались на гребень и открыли действенный огонь – и японская цепь отхлынула за гребень, и огонь ее значительно ослабел.

Весь отряд собрался в выемку правого горного массива – как единственному месту, укрытому от выстрелов.

Приблизительно через полчаса горячей перестрелки было замечено, что японцы, скрываясь за противоположным гребнем, покрытым густым кустарником, обходят правый фланг.

Видя огромную опасность, которая угрожала отряду в случае занятия командующего гребня японцами (с которого совершенно безнаказанно можно было расстрелять коноводов и резерв отряда), полусотня нерчинцев поднялась и заняла командующей гребень. Казаки увидели, что на полуподъеме к этому гребню по мелкому кустарнику с лихорадочной поспешностью поднимается цепь японцев силой от полуроты до роты. Несколько залпов 40 винтовок, а затем пачечный огонь заставили японцев отхлынуть и залечь в кустах. Японцы, видимо, понимали чрезвычайную важность гребня и, несмотря на огонь, повели медленное наступление, поддерживаемое частым огнем. Появились раненые. К счастью, на учащенную стрельбу вовремя обратили внимание, и тридцати с небольшим нерчинцам не пришлось дожидаться, когда придется встретить штыки японской пехоты с прикладом казачьей винтовки. К ним на

выручку поднялась полусотня 5-й нерчинской сотни, а затем спешенная сотня 1-го Аргунского полка. Таким образом, гребень был занят прочно – и сосредоточенным огнем японцы были сметены.

Под общим руководством подполковника 1-го Аргунского полка Яковлева было предпринято наступление с целью захвата оставленных на склоне в кустах раненых японцев – но казаки были остановлены сильным огнем с противоположного гребня.

Ввиду того что обходящие части японцев показались и в правой долине и оттуда же появилась кавалерия, было приказано отходить. Во время отхода для прикрытия флангового движения была рассыпана цепь стрелков – по берегу реки. Для поддержки этой цепи были каждую минуту готовы ринуться в конном строю отходящие фланговым маршем сотни.

Дух казаков, как отмечает очевидец, «был отличный в истинном значении этого слова. Мы верили в себя...»¹⁵.

Рекогносцировка выяснила, что на пути Шитоучен – Дапу – Фынхуанчен противник имеет сильный заслон: около 2 батальонов пехоты и 3 эскадрона кавалерии.

Стоила рекогносцировка 13 раненых: один офицер (сотник 1-го Аргунского полка Улагай) и 12 нижних чинов.

А затем отряд ждала разведка к Куаньдяньсяню и ночное дело у д. Шаого. 12 мая в составе 7 сотен (3 сотни Нерчинского и 4 сотни 2-го Аргунского полков) он двинулся вверх по р. Айхэ. Две же сотни 1-го Аргунского полка были из Лаобянгоу отправлены в Саймацзы – с транспортом раненых.

Дорога от Лаобянгоу до Эрдаохэцзы на протяжении около 30 км шла по долине р. Айхэ, причем на всем протяжении была покрыта крупным булыжным камнем. На каждых двух км – переходы вброд с одного берега реки на другой. Около 19 часов, перейдя Шаогоулинский перевал, отряд остановился на ночлег в небольшой рощице у ханшинного завода – близ Шаого. К стороне Куаньдяньсяня было выставлено сторожевое охранение (сотня аргунцев). Как во время движения к Шаого, так и во время расстановки охранения японцев вблизи обнаружено не было.

Приблизительно около 22.30, когда на биваке были разведены костры и варилась пища, лошади были расседланы и часть людей уже спала, был услышан выстрел, на который не обратили особого внимания: все были голодны и утомлены, а в ханшинном заводе были найдены продовольственные припасы, и казаки, сидя вокруг костра, жарили на палках куски мяса.

Через некоторое время раздался второй выстрел, третий, а затем на некоторое время – полная тишина... Казаки острили. Говорили, что часовые сторожевой сотни упражняются в стрельбе по китайцам с целью достать мяса на ужин. Остричь пришлось недолго: по биваку был открыт сильный пачечный огонь. Седловка и сбор по тревоге производились под жутким свистом пуль, которые, к счастью, хоть и направлялись по кострам, были малодейственны, так как в основном летели сверху, ударяясь о деревья рощи и высокие стены и крышу ханшинного завода.

Ужасный свист пуль, почти абсолютная темнота (особенно после света костров) породили в некоторых сотнях беспорядок.

Генерал Ренненкампф стал примером храбрости и проявил исключительное самообладание, распорядительность и находчивость.

Впечатление от неожиданного ночного нападения было настолько сильно, что все растерялись, стали без надобности кидаться в разные стороны и не догадались, что первым делом надо было тушить костры.

Только голос начальника отряда, спокойно и хладнокровно отдававшего распоряжения, привел казаков в чувство. Затем генерал стал по очереди здороваться с собравшимися сотнями. Видя перед собой такого начальника, казаки постепенно успокоились, и большинство сотен быстро собрались – в полном порядке.

Две сотни аргунцев были с места рассыпаны в цепь, выдвинулись по направлению выстрелов и открыли огонь вверх по гребню.

2-й нерчинской сотне доблестного нижегородца есаула князя Н. Л. Меликова было приказано сесть на коней и широким наметом, не жалея лошадей, подняться на правый гребень, висевший над дорогой, по которой следовало отходить. Подъем на гребень был чрезвычайно крутой – лошади могли преодолеть только $\frac{2}{3}$ высоты. Оставив коноводов на крутом скате, нерчинцы быстро достигли гребня. Противоположный скат был чист.

Внизу у аргунских сотен шла сильная стрельба. Было видно, что японцы густой цепью поднимаются на занятый гребень. Меликов приказал пока не открывать огня, соблюдая строжайшую тишину. Вот уже слышен шорох и отрывистые, вполголоса, команды японцев. Казаки приготовились, направив дула винтовок на черную, движущуюся на них массу.

После первых же залпов японцы открыли беспорядочный огонь по занятому казаками гребню снизу, а затем скрылись в темноте, оставив до десятка трупов.

Внизу стрельба также прекратилась. Через некоторое время был подан сигнал «отступление».

Пленный японский драгун.

Последняя прикрывающая сотня (2-я нерчинская) перевалила через хребет около 3 часов.

Во время прохода отряда через перевал на вершине последнего трубачами Нерчинского полка был исполнен Народный гимн, после чего громовое «ура» сотен грозно раскатилось в ночной тишине по окрестностям Шаого.

В этом деле выбыли из строя ранеными 3 нижних чина.

14 мая отряд стоял квартиробиваком у д. Айянямынь. Около 9 часов было послано по полусотни от каждой сотни – на фуражировку.

Лишь только фуражиры выехали из Айянямыня, как началась стрельба в сторожевом охранении, и почти одновременно было получено донесение о наступлении японцев. Фуражиры возвращены, и решено принять бой. Перестрелка в охранении усиливалась.

Выйдя из Айянямыня, отряд занял позицию; сторожевое же охранение, блестяще выполнившее свое назначение – задержать противника и дать время развернуться отряду, – постепенно отходило под напором японцев. Лихой командир сторожевой сотни подъесаул Шундеев (Аргунского полка), будучи ранен в ногу, не оставил своего поста до окончания боя.

На позиции были спешены две сотни аргунцев и 4-я сотня нерчинцев. К этим сотням присоединилась и отошедшая сотня сторожевого охранения. Три сотни (2-я и 5-я нерчинские и одна аргунская) составили резерв.

Во время сильной перестрелки было замечено намерение японцев обойти правый фланг, для предупреждения чего была выделена на правый фланг 2-я сотня нерчинцев.

Для выполнения задачи командир сотни принимает решение: с полусотней в конном строю он становится укрыто за правым флангом, чтобы, согласно приказу генерала Ренненкампа, принять обходящего по долине противника в шашки; полусотню же спешивает и посылает занять гребень горы вне фланга и несколько сзади. Японцы были встречены огнем с дальней дистанции, отошли и укрылись за выступ, не открывая огня. За свою поспешность в открытии огня князь Меликов сделал командиру стреляющей полусотни Н. Анисимову замечание, говоря, что нужно было выждать – подпустить обходящие части на верный выстрел, расстроить их неожиданным огнем и создать условия для эффективной конной атаки.

На фронте японцы повели атаку на спешенные сотни, но дружным огнем были остановлены и вынуждены уйти назад за гребень, откуда продолжали усиленно обстреливать русские позиции.

Японцы убедились, что огнем сбить сотни им не удастся; не удалась также попытка атаковать – и в первый раз казаки отряда получают крещение артиллерийским огнем: 4 японских орудия начинают обстреливать позиции спешенных сотен.

Под прикрытием стрелков нерчинцы и аргунцы отошли.

В этом деле русские потеряли ранеными двух офицеров: подъесаула Шундеева, раненого в ногу, и конноартиллериста, находившегося при штабе генерала, поручика Толузакова, тяжело раненого в пах. Нижних чинов ранено 8 человек.

16 мая, вследствие наступления японцев, отряд без боя оставил Саймацзы и 17-го числа прибыл в Цзян-чань.

17-го Ренненкампф с одной сотней отправился из Цзян-чаня в Сяо-сыр, где в это время стояли батальон пехоты и 1-й Аргунский полк.

18 мая генерал прислал приказ отряду – выступить на Саймацзы. Цель – выбить японцев, которые, по донесениям разъездов, занимали Саймацзы значительными силами. Бой у Саймацзы предполагалось дать 19 мая около часу дня.

В бою, шедшем с переменным успехом, отличилась 1-я сотня нерчинцев, находившаяся в авангарде на переднем склоне перевала, предводимая своим храбрым командиром есаулом Энгельгардтом. Она мужественно бросилась к гребню и открыла по занятой японцами сопке фланговый огонь с довольно близкого расстояния.

Преследование.

Японцы были прогнаны.

Потери: ранены 2 офицера и 1 врач; нижних чинов убито 6, ранено 17.

24 мая около 7 часов отряд в составе 9 сотен (5 нерченских и 4 аргунских) двинулся из Саймацзы к Цзян-чаню.

Ренненкампом были получены сведения, что сотня 2-го Читинского полка под напором японцев оставила Цзян-чань. Но 25-го утром в Цзян-чане вместо японцев нашли читинскую сотню, вернувшуюся обратно.

Утром 30 мая отряд двинулся к Сипингаю. Одна рота японской пехоты и около эскадрона кавалерии, узнав от китайцев о движении к Сипингаю русских, ушли вниз по р. Айхэ. Отряд двинулся обратно к Цзян-чаню. Как ни казалась на первый взгляд бесцельной эта рекогносцировка целым отрядом, она выяснила, что в данном районе серьезных сил, могущих угрожать Цзян-чаню, нет.

Из Цзян-чаня были посланы 2 сотни (1-я и 2-я нерчинские) в Сяосыр – для усиления отряда полковника Трухина. 4 июня генерал предпринял движение на Саймацзы – с целью усиленной разведки.

Разведка малыми силами давала мало сведений, несмотря на самоотверженную деятельность большинства посылаемых разъездов.

За эти дни в разведке на Саймацзы и Айянямынь был убит аргунец хорунжий Козлов и серьезно ранен лихой разведчик нерчинец подъесаул Аничков.

5 июня отряд Ренненкампа вошел в Саймацзы. Жители сообщили, что японцы находились в Саймацзы в довольно значительных силах (отряд из 3 родов оружия), но не рискнули принять бой и ушли за Синкайлинский перевал.

К первым числам июня было установлено, что армия Куроки на Восточном фронте расположилась на оборонительной позиции двумя группами: одна (главные силы) занимала позиции у Фынхуанчена, а другая занимала Куаньдяньсянь. Обе группы были связаны между собой и действовали по единой схеме.

Можно было судить, что они готовятся к наступлению, пополняя армию солдатами, довольственными и боевыми припасами.

К этому времени не был выяснен только один очень важный вопрос – какими силами располагала Куаньдяньсянская группа противника. И следовательно, насколько серьезен мог быть удар с этой стороны – в случае наступления японцев на Ляоян.

Ренненкампф и предпринял 9 июня усиленную рекогносцировку в направлении на Айянямынь, собрав для этого дела все имевшиеся в его распоряжении силы, а также стянув части из-за Фэншулинского перевала.

Как отмечает очевидец, целесообразность ее кое-кем ставилась под сомнение: «Что же касается вообще разговоров о трате людей на войне, то на это нужно сказать, что мы и кампанию проиграли, пожалуй, потому, что чересчур много заботились о сохранении людей, частей, армии. Принцип гражданского долга был сильно развит, и главным образом на верхах. Вот поэтому-то людям истинно военным, каковым бесспорно является генерал Ренненкампф, и смотрящим на военное дело с точки зрения только военного долга, часто его подчиненными – почитателями «гражданского долга» – и ставилось в упрек его будто бы безразличное отношение к жизни других. Нужно ли говорить, что почитателям «гражданского долга» не должно быть места в рядах славной Русской армии. Ведь «гражданское мужество» на войне заставляет сдавать крепости, броненосцы ради спасения жизни сотням людей, тогда как «военное мужество» – военный долг – повелевает умирать, защищаясь, умирать только ради чести оружия...»¹⁶.

В состав рекогносцирующего отряда вошли: 2,5 батальона 23-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 4-я Забайкальская казачья батарея (6 орудий), 4-я конно-горная батарея пограничной стражи (4 орудия), 4 сотни 1-го Аргунского, 3 сотни 2-го Аргунского и 2 сотни 2-го Нерчинского казачьих полков и 2 конно-охотничьи команды (23-го полка и 1-го Сибирского Стретенского пехотного полка).

Отряд выступил из Саймацзы в 6 часов 9 июня двумя колоннами. Около 12 часов, перелезав Синкайлин, колонны соединились, причем 1-й Аргунский полк составлял авангард.

Не доходя 5–6 км до Айянямыня, авангард завязал перестрелку с японцами, заняв спешенными сотнями крутой утес с правой стороны дороги. Японцы находились в окопах. Через некоторое время к утесу, занятому 1-м Аргунским полком, подошли сотни главных сил и прискакал генерал Ренненкампф.

С места (из-за утеса) были выдвинуты на левый фланг охотничья команда Стретенского полка и 3-я сотня нерчинцев. Стретенская команда должна была атаковать с фронта, а нерчинцы, содействуя стретенцам в атаке, должны были загибать фланг и стараться взять японский окоп под фланговый огонь.

Действием спешенных сотен 1-го Аргунского полка, стретенских охотников и 3-й нерчинской сотни, стрелявшей во фланг, японцы были выбиты из окопов, поспешно отошли, прикрываясь складками местности и почти сплошным кустарником, и заняли следующий гребень, также укрепленный стрелковыми окопами. Русские наступали – ведя фронтальный и фланговый огонь. Огонь был действенным, у японцев появились раненые – и противник поспешно оставил окопы и, унося раненых, отошел к следующему гребню. На третьей позиции цепь японцев оказалась значительно сильнее, и хотя этот гребень не был усилен окопами, он представлял из себя прекрасную естественную позицию.

Сил, чтобы выбить японцев (сотня и охотничья команда), оказалось недостаточно, и перестрелка затянулась. Охотники начали нести потери и остановились; казаки стали загибать фланг, боясь зарваться. Приходилось прятаться за гребень и стрелять редко – вылазками одиночных людей. Тогда на помощь пришла конно-горная пограничная батарея, открывшая огонь сзади – через головы стретенских охотников по гребню, занятому японцами. Японцы

быстро отошли. Затем огонь батареи был перенесен на части японцев, отходившие по долине – у подошвы правого горного массива. Но и эта цель укрылась, и батарея прекратила стрельбу.

Наступила полная тишина. Японцев не видно, и казалось, что бой прекратился. Прошло около получаса. Но вот главные силы отряда движутся по дороге на Айянямынь в колонне – впереди генерал с конвоем, за ним 4-я Забайкальская батарея, сотня казаков, а также части пехоты. Когда голова колонны подходила к низенькому выступу гребня, со стороны японцев раздался оглушительный залп из орудий, а затем страшный треск и свист разорвавшихся шрапнелей. Раздалась команда «батарея на позицию», а затем к гребню проскочили конвой и сотня. Появились раненые.

Японцы залпами двух батарей смели русскую батарею, не успевшую сделать и десятка выстрелов. Батарея потеряла почти весь строевой состав, а «орудия на позиции производили своим видом жалкое впечатление: одно орудие смотрело вперед, другое было подбито и смотрело в сторону, третье склонилось набок и т. п. В довершение этой картины, около орудий лежало до 10 трупов убитых и раненых. Убирать их было нельзя, так как и по одиночному человеку, подбегавшему к орудиям, японцы давали залп. Уцелевшая прислуга отошла от орудий и укрывалась гребнем, изредка выбегая к орудиям, чтобы произвести одиночный выстрел. В большинстве случаев эти смельчаки так около орудий и оставались»¹⁷.

Японцы стали отходить, и казаки двинулись за отходящими частями. Когда сотни вышли из-за гребня на дорогу, по ним был открыт артиллерийский огонь. Снаряды перелетали через головы. Казаки рассыпались в лаву. Несколько очередей японской шрапнели вреда сотням не причинили.

Батальон пехоты и пограничная батарея в бою участия не приняли. Почему остался в самый горячий момент боя не введен в дело такой сильный резерв (когда участь Забайкальской батареи висела на волоске) – осталось загадкой.

Японцы с наступлением темноты несколько раз пытались атаковать русские прикрития, но были отбрасываемы огнем.

Когда бой затих, около 23 часов начали собирать убитых и раненых, а также вывезли орудия забайкальской батареи с зарядными ящиками.

В Саймацзы вернулись около 6 часов 10 июня.

Отряд потерял: офицерских чинов – ранеными 7; нижних чинов – убитыми около 15 и ранеными около 70, причем на долю 4-й Забайкальской казачьей батареи приходится убитых 9 и раненых 22. Большой процент потерь понесла и рота 23-го полка, находившаяся в прикритии.

Причем если все убитые и раненые Забайкальской батареи были вынесены и доставлены в Саймацзы, то почти все убитые и часть раненых 23-го полка были оставлены на позиции.

Бой выяснил, что у Айянямыня находится 3 полка пехоты при 18 орудиях и 2–3 эскадрона кавалерии противника.

4-я Забайкальская казачья батарея была отправлена в Ляоян, а потом в Харбин для ремонта и пополнения, а 23-й полк двинул за Северный Фэньпуйлин.

12 июня около 15 часов отряд выступил по Сяосырской дороге. 13 июня утром японцы повели наступление и оттеснили сторожевое охранение. Сильный напор пришлось сдерживать огнем пограничной батареи. Не принимая боя, отряд отошел по Сяосырской дороге.

14 июня, для производства усиленной рекогносцировки вниз по долине р. Цаохэ, генерал Ренненкампф выдвинул конную колонну генерала Любавина. Колонну Любавина составили 4 сотни Нерчинского полка, 3 сотни 2-го Аргунского и 2 сотни 1-го Аргунского полков и пограничная батарея (4 орудия). Авангард колонны (1-я сотня нерчинцев) был встречен огнем японцев. Завязалась перестрелка. В боевую линию постепенно было выдвинуто около семи спешенных сотен, силами которых сбить противника не удалось.

Рекогносцировочный бой продолжался около 4 часов.

Потери: ранено офицерских чинов – 1 (есаул Энгельгардт – командир 1-й нерчинской сотни), нижних чинов – 9.

Таким образом было выяснено, что и по долине р. Цаохэ японцы наступают значительными силами.

3 июля к Сяосыру прибыл генерал Любавин с Аргунским полком и остановился в Сандянзане, выдвинув Нерчинский полк в составе 4 сотен по Сыгоулинскому ущелью к д. Чучаю.

Утром 5 июля японцы сильно потеснили охранение, и русские начали отходить, так как, во-первых, вблизи не было удобной позиции, а во-вторых, сзади имелись два узких прохода, отходить по которым с коноводами, в случае значительного превосходства противника в силах, было бы крайне затруднительно.

Вечером остановились в 3 км южнее Сяосыра. Было получено приказание задержать японцев и не пустить к Сяосыру.

В 4 часа 6 июля в сторожевой сотне началась стрельба: командир подразделения сообщал о начавшемся наступлении японцев. Сотни заняли позиции. Командиру сторожевой сотни было приказано отойти и занять позицию на выступе напротив дороги (6-я сотня).

Около 5 часов колонна японцев силой около двух рот, без особых мер осторожности, показалась в долине. 6-я сотня открыла по ней огонь залпами; то же сделала со своей позиции и 1-я сотня. Японцы врассыпную бросились за утесы, оставив в долине на камнях несколько трупов.

После этого японцы поднялись на боковые гребни утесов и открыли огонь по русским позициям. Сотни дружно отвечали. Стрельба продолжалась около получаса, когда было обнаружено, что 20–30 японцев хотели обогнуть правый фланг. Огнем правогофлангового взвода они были прогнаны.

С позиции 1-й сотни было замечено, что к японцам подошли подкрепления (около двух рот), которые и укрылись в левом кряже. И командир левофланговой сотни получил приказ усилить бдительность на фланге и своевременно предупредить опасность.

Бой продолжался, причем наиболее сильный огонь пришелся по позиции, занятой 6-й и 5-й сотнями.

Около 8.30, совершенно неожиданно, был открыт частый огонь по коноводам. Японцы целой ротой обошли левый фланг. Командир фланговой сотни не был бдителен и не принял нужных мер к парированию удара.

Цепи снялись с позиции, переменили фронт и начали отходить по правому горному кряжу.

Что же делал в это время генерал Любавин с Аргунским полком в 4 км от места боя? Оказывается – ничего. Решение поддержать пришло, когда увидели в беспорядке скачущих коноводов.

Некоторые командиры сотен рвались в бой, но им не разрешили.

В результате задача задержать противника оказалась не выполнена, и стоило это – 1 нижнего чина убитым и 15 ранеными, а лошадей убито и серьезно ранено около 50.

50 лошадей на 4 жиденьких сотни! «Не жаль было бы этих потерь только в лихой кавалерийской схватке!»¹⁸.

7 июля отряд отошел к Гаолинцзы, где и расположился на ночлег. В Сандянзане было оставлено для наблюдения за занявшими Сяосыр японцами несколько сотен Аргунского полка. Около 16 часов было получено донесение, что оставленные у Сандянзана сотни отеснены противником.

Генерал Любавин, не желая быть отрезанным от армии и отесненным к Далинскому перевалу, предпринял ночной марш к Беньсиху.

Движение было организовано с чрезвычайными мерами осторожности и было очень утомительно. Около 3–4 часов, сделав ночной переход около 35–40 км, отряд, утомленный этим тяжелым переходом, пришел в д. Уйнюнью.

9 июля передвинулись в Беньсиху, где стоял полк пехоты с батареей. Вскоре сюда же прибыл 2-й Дагестанский конный полк, только что прибывший из России.

Деятельность отряда к первым числам августа выражалась в высылке отдельных разъездов на левый берег в разных направлениях и в поддержании связи с отрядом у Беньсиху, с одной стороны, и с отрядом полковника Мадритова – с другой.

Такое растянутое положение исключало возможность более-менее упорной обороны какого-либо пункта, что и сказалось в период наступления японцев к Ляояну.

В таком положении казаки могли своевременно обнаружить переправу японцев через Тайцзыхэ на участке Беньсиху – Сяосыр, но установить, что переправилась целая дивизия или только батальон, не имели возможности: «На верхах чересчур увлекались растянутыми линиями, что хотели все «объять – необъятное»...»¹⁹.

Итак, основные действия отряда прошли в разведках и рекогносцировках. Генерал Гамильтон в «Записной книжке штабного офицера», восхваляя деятельность разведывательных частей японцев, в то же время обвиняет русских в нерешительных действиях и в склонности к преувеличениям сил противника.

Но реальность такова, что «нерешительными» русскими конными разведчиками всегда обшаривался даже глубокий тыл японцев, что подтверждается большим количеством забираемых ими в своем тылу в плен ранеными или дошедшими вследствие голода и лишений до голодного тифа разведчиков.

И напротив, «решительную» японскую кавалерию русские не только в тылу у себя, но и на фронте почти не встречали.

Если японцы и бывали осведомлены лучше о русских войсках, чем русские о японских войсках, то это надо отнести не к чести их войсковой разведки, а исключительно – лучшей организации шпионажа.

Интересно, что даже при такой «отличной» (по Гамильтону) разведке японцев и их отличной организации шпионажа генерал в своих записках, основываясь на японских сведениях, пишет, например, такие небылицы, что будто бы генерал Ренненкампф в боях у м. Беньсиху (Шахэйские бои) играл роль кавалерийского начальника, имея сосредоточенной у Беньсиху казачью дивизию в 1500 коней. На самом деле в это время Ренненкампф был начальником восточного отряда, подчиненного командиру 3-го корпуса, а все тревоги и опасения в штабе Куроки за участь своего тыла причинила конная колонна генерала Любавина (левая колонна отряда Ренненкампфа при атаке Беньсиху) из двух сотен Нерчинского и трех сотен Аргунского полков – всего около 400 коней. Так, значит, грешили преувеличениями и японцы?!

Тот же, например, Гамильтон подсчитывал русские корпуса и японские дивизии, совершенно не касаясь их численного состава. А ведь русские батальоны вплоть до стоянки на Сипингайских позициях не только не имели в своих рядах полного боевого состава, но часто можно было встретить батальоны, имевшие только треть боевого состава.

Да, русская конница в годы Русско-японской войны сделала не все, на что она была способна. Но в этом вина не только собственно конницы – а прежде всего общевойскового командования, в чьих руках она оказалась.

Но полученный боевой опыт не прошел даром – в преддверии следующей грозной войны.

Глава 2

Конница в первой мировой войне

§ 1. Организация и структура

Конница русской армии к началу Первой мировой войны была сведена в дивизии по 4 полка 6-эскадронного состава (1 полк казачий); 2 полка составляли бригаду. В состав дивизии также входили: конно-артиллерийский дивизион из 2 (как правило) конных батарей, конно-пулеметная команда (по штату – 8 пулеметов во выюках) и конно-саперная команда. Кроме того, имелось несколько отдельных кавалерийских бригад в составе двух полков и одной конной батареи. Казачьи дивизии имели организацию, аналогичную регулярной коннице.

Летом 1914 г., перед началом Первой мировой войны, конница русской армии состояла из 123 кавалерийских, казачьих и конноинородческих полков и 3 дивизионов. Эти полки и один дивизион были объединены в 24 дивизии (1-я и 2-я гвардейские кавалерийские, 1—15-я и Кавказская кавалерийские, 1-я Донская, 2-я Сводная, 1—3-я Кавказские и 1-я Туркестанская казачьи) и восемь отдельных бригад (Гвардейская кавалерийская, 1—3-я кавалерийские, Уссурийская конная, Закаспийская, Сибирская и Забайкальская казачьи). В эти дивизии и бригады вошли 116 полков (13 гвардейских, 19 драгунских, 17 уланских, 18 гусарских, 48 казачьих, один конно-инородческий) и один конно-инородческий дивизион. 7 полков (драгунский, 2 конно-инородческих и 4 казачьих) и 2 казачьих дивизиона в дивизии и бригады не входили.

В 24 дивизиях и 8 отдельных бригадах конницы насчитывалось 674 эскадрона и сотен. Большинство кавалерийских и казачьих дивизий состояло из 24 эскадронов и сотен (то есть, как отмечено выше, 4 полка по 6 эскадронов или сотен). Исключение составляли четыре дивизии. 1-я гвардейская кавалерийская – 28 эскадронов и сотен (7 полков по 4 эскадрона или сотни). В военное время все полки, за исключением лейб-гвардии Сводно-Казачьего, предполагалось довести до 6 эскадронов или сотен. 12-я кавалерийская дивизия имела 22 эскадрона и сотни (3-й Уфимско-Самарский полк Оренбургского казачьего войска состоял из 4 сотен, в военное время предполагалось довести до 6 сотен). 3-я Кавказская казачья дивизия включала 18 сотен (Дагестанский конный полк – 4 сотни, Осетинский конный дивизион – 2 сотни), а 1-я Туркестанская казачья дивизия – 20 сотен (5 полков по 4 сотни).

Русские кавалеристы и казаки на страницах «Нивы», «Великой войны в образах и картинах», «Нового Времени» и др. изданий 1914–1917 гг.

Огневое обеспечение дивизий осуществлял артдивизион (две конных или казачьих батареи по шесть скорострельных трехдюймовых пушек образца 1900 г.). В кавалерийских дивизиях (как правило) это были конно-артиллерийские, а в казачьих дивизиях – казачьи артиллерийские дивизионы. Так, в 10-й и 12-й кавалерийских дивизиях это были казачьи артиллерийские дивизионы, в 8-й кавалерийской дивизии – дивизион смешанного состава (одна батарея конная, вторая батарея казачья), 13-я кавалерийская дивизия своей артиллерии не имела (в случае войны 12-й конно-артиллерийский дивизион, входивший в 14-ю кавалерийскую дивизию, делился между этими двумя дивизиями), 1-я Туркестанская казачья дивизия имела только одну казачью батарею, а Кавказская кавалерийская дивизия – Кавказский конно-горный артиллерийский дивизион. В гвардейской кавалерии огневая поддержка была возложена на лейб-гвардии Конную артиллерию – двухдивизионную бригаду. Трехбатарейные дивизионы лейб-гвардии Конной артиллерии были приданы гвардейским кавалерийским дивизиям, при этом одна из батарей 2-го дивизиона была прикомандирована к Отдельной гвардейской кавалерийской бригаде. Таким образом, как и в армейской (казачьей) коннице, одна гвардейская артиллерийская батарея приходилась на бригаду гвардейской кавалерии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.